
Я не люблю уезжать из дома, даже если это ненадолго. Я теперь живу одна, и мне вдалеке всегда кажется, что в оставленной без присмотра квартире творится бог знает что. Приходят мысли то про пожар, то про потоп, то про утечку газа. И, возвращаясь, я ещё на подходе всматриваюсь в свои три окна на втором этаже. Кажется, всё хорошо? Уф...

Я поднимаюсь, захожу и только тогда постепенно успокаиваюсь. Остаётся полить цветы (у меня их много), пройтись кое-где влажной тряпкой – и покой возвращается.

Это лёгкий психоз, я понимаю. Но ничего не могу с собой поделаться. Раньше такого не было, это только теперь. Три дочери мои выросли, все вышли замуж, все уехали. А мой последний муж – четвёртый – съехал отсюда в прошлом году.

Итак, из дома уезжать не люблю, поэтому делаю это только тогда, когда надо. К дочкам, например: не живут в родном городе, так уж получилось. Гораздо больше я люблю, когда родные приезжают ко мне сами! Но это вообще редко.

Да и правда, что им тут? Городок наш хоть и пыжится, хоть и прирастает высотками и всякими новомодными центрами, всё-таки остаётся заштатным. Это же не Петербург и не Москва, там за всю жизнь не нагуляешься и не насмотришься. А мы – так себе, просто точка на карте.

Дочки мои – погодки, почти ровесницы. Таня и Тоня – старшие, они близняшки, а Лена – младше их только на десять месяцев. Они и росли как подружки, головной боли мне не приносили. Хорошие девчонки, покладистые. Повезло мне, что говорить.

Учились ровно, на четвёрки. Ни в какие институты не поступали, а удачно пристроились все. За это спасибо большущее их отцу. Все дочери от первого мужа, от Пашки. Хоть и разошлись мы давно, а о дочках переживал всегда, помогал. Да и сейчас – заботится. Вот он их и зазвал к себе в Псков, с работой помог: сам пристроил. Да и замуж там они одна за одной повыскакивали как по заказу. У Тони и Танечки – по двое деток, но всё только

мальчишки. А у Леночки – что-то не заладилось, так и не родила. Но какие её годы, всего тридцать. Она старается, лечится; и врач говорит, что шансы хорошие.

Ну, вот так пока.

А самой мне – пятьдесят уже. Не старая, работаю. Ничего особенного, но я довольна. Зарабатываю нормально, мне хватает. Да и раз на раз не приходится.

Зовут меня Валентина Ивановна Удача. Хорошая фамилия, правда? Я её в замужестве ни разу не меняла, до чего она мне нравится. Это фамилия моей мамы, она осиротела в войну. Откуда она и кто по-настоящему – так и осталось неизвестно, ведь её, маленькую, подобрали на станции. Вряд ли кто-то бросил, ведь видно было, что малышка домашняя. А, наверное, беда какая-то случилась...

Она знала своё имя – Нина, а вот фамилию так и не смогла назвать. Сирота, точно! Вот ей и записали в метрику: Удача. На счастье, значит, придумали.

И что вы думаете, мамочка моя всегда везучая была. Ну, или так считала, что одно и то же. Хоть и родила меня без мужа (он был женатый, семью бросать не захотел), зато от родной фабрики получила мама и жильё, и всякое-разное. Она даже говорила, что мать-одиночка – это тоже везение, потому что государство сто раз поможет, не оставит. А муж – это лотерея.

Да и замуж она потом вышла за хорошего человека, он меня за дочку считал. Родители и сейчас живы-здоровы; к старости переехали в деревню, мама так всегда хотела. Может, у неё такие корни? Потому и не нарадуется садику-огородику да десятку курей. Я иногда и к ним езжу, это недалеко, два часа автобусом. В город их теперь и калачом не заманишь!

Мой основной интерес и даже удовольствие – это работа. Я администратор в универсаме. Магазин сетевой, таких в нашем городке полно. Кто главный хозяин – не наше дело, а надо мной поставлена только директорша. Ну и хватит. Я после неё второй человек. Какое-никакое, а

начальство; всё приятнее, чем простой продавец.

Я в своё время закончила техникум советской торговли. Это мама присоветовала, а я и послушалась. В нашем-то городке на продавца не учили, пришлось ехать поступать в областной центр. Почему-то я уверена была, что получится; да так и вышло.

Общежитие дали, комнату на четверых. Весёлое было время, что говорить! Промелькнуло, как летний день, а до сих пор сердце греет. И танцы-праздники были, и учёба легко шла, и интерес к жизни ощущался такой, что казалось, могу от солнца кусочек отщипнуть.

Тогда же и любовь первую встретила. Сейчас вот не знаю, как назвать: счастливая она была или нет? Наверное, счастливая, раз так хорошо вспоминается. Колькой его звали, на слесаря учился в соседнем ПТУ. Они своей компанией к нашим девчонкам бегали, он меня и заметил.

А потом Ирка отбила. А может, я и сама его оттолкнула: незачем было другим парням моргать. Я ж беспечная была, глупая. Думала, что ничего такого, если я и с Васькой, и с Генкой не отказываюсь то в кино сбегать, то ещё куда. Мол, дружу со всеми, характер открытый.

А Ирка – нет, не такая. Ходила за Колькой как привязанная, всё момент ловила. Ну и поймала, молодец. Я тогда злилась, а сейчас думаю, правильно. Если бы мне Колька был по-настоящему нужен, то про других и мысли бы не держались.

Вот как потом у меня было с Пашкой? Кроме него как будто и парней не было больше на свете, до чего любила.

Но с Пашкой это образовалось уже потом, когда я техникум закончила и вернулась домой работать. Устроилась хорошо, в кондитерском отделе. Наставницу первую, Аллу Петровну, помню и сейчас. До чего оборотистая тётка была, умная и осторожная! Она меня, дурочку желторотую, научила, как в жизни поворачиваться надо, чтоб и себе, и людям. Так что свою копеечку я всегда имела.

Приходилось и делиться с вышестоящими. Если не станешь как все, то и на дверь укажут. Найдут методы. А чего кобениться, ради каких таких идеалов?! Человеку что надо? Чтобы свой интерес можно было ухватить.

Я быстро пошла в гору, потому что смекнула чётко, как себя правильно вести. Та же Алла Петровна меня и двигала:

– Ты, Валя, талант. Прямо как родилась в торговом зале!

И так вышло, что Алла Петровна на пенсию, а меня, хоть и молоденькую совсем, прямиком на её место, в начальницы. Вот в такой удачный момент судьбы и появился в моей жизни Пашка. Именно появился, как в кино. Возник с заднего крылечка, куда «отдельные люди» ходили. Прибыл с записочкой от своего начальника.

Я сама Пашку и отоварила по списку. А он, пока ждал, всё смотрел, смотрел на меня не отрываясь, а потом и говорит:

– Девушка, а вечером можно вас в кино пригласить?

А у меня сердце прямо в горле бьётся, до чего парень славный. Ну точно, как я обожаю: высоченный, чернявый, цыганистый. Очень мне вот такие нравились. Сама-то я кнопка кнопкой, цыплёнок белобрысый. Но ладненькая была, с грудью высокой; мужики мне вслед всегда оборачивались.

– Да, конечно! – отвечаю. – Пойду!

Так и закрутилось, как во сне. Прямо жить я без него не могла! А он меня Крохой звал. Смеяться будете, но Пашке нравилось меня на руках таскать, как ребёнка. Бывало, схватит в охапку и волочит. Хорошо, что вечерами темнело быстро, не так стыдно хоть. Мы ведь по осени начали встречаться.

Я отбиваюсь, а он смеётся:

– Кроха, не дёргайся, уроню. И в угол поставлю!

Я однажды рассердилась:

– Ты что, меня за грудную держишь?! Так иди в детский сад нянечкой!

А он серьёзно так посмотрел и ответил:

– В детский сад я буду ходить за нашими детьми, Кроха. Давай жениться, не могу я без тебя.

Вот!

Что интересно, слов любви мы никогда друг другу не говорили. Не знаю, как он, а я почему-то не могла произнести, прямо в глазах темнело. Так много было на сердце, что язык боялся и тронуть. Да и не в словах ведь дело, я тогда точно поняла.

Поженились мы моментом, мама с отчимом радовались от души. Свадьбу, правда, справили крошечную, на полтора десятка человек. Мама наготовила, да из магазина нашего я всякого дефицита нанесла. Были только родители мои и Пашкины и ещё друзья, молодёжь. Пашка к тому времени, с моей помощью, конечно, перешёл к нам, я его пристроила на самое козырное местечко – рубшиком мяса.

Его мама мне чуть ли не руки за такое целовала. Она вообще нарадоваться не могла на Пашкину женитьбу, ведь боялась,

что холостяком останется. Ему уж двадцать семь лет тот момент было. А тут и жена, и доход! В то время мясной отдел – золотая точка. Люди бешеные деньги платили, чтобы туда попасть.

И зажили мы как в сказке, ей-богу. Тут же в кооператив вступили (в этой двухкомнатной я сейчас и живу); девчонки старше через год родились.

Я – в декрет, а Пашка ещё больше старается, семью обеспечивает. Без лишней скромности скажу, что жили мы тогда очень и очень сытно. Но не высывались как дураки, а потихоньку на книжку складывали. Точнее, на две: ему и мне поровну. Думалось, что так надёжнее.

И родители при нас – что его, что мои – как сыр в масле катались от наших щедрот. Самое лучшее это было моё время. И когда я, не прошло и месяца от первых родов, вдруг опять забеременела (а болтают, что кормящая «залететь» не может!!!), то и вопроса не было, рожать или нет. Пашка так и сказал:

– Давай-ка роди теперь сына, чтобы комплект. Можно двух!

Мы посмеялись, а я подумала: а может, и вправду так будет? Да прокормим, нет сомнений. И я придумала сразу два имени для мальчиков, чтобы тоже хорошо сочетались: Вася и Ваня. Ну, как старшие: Тоня и Таня.

А родилась опять девчонка, Леночка.

Но Пашка не расстроился, чего там. Планировал не останавливаться на достигнутом, а я думала: «Нет, хватит. Шутка ли, трое уже». Многодетная семья. Но, в общем, хорошее дело: тут же льгот много получили.

Так и жили, не тужили, дочки подрастали. Я уж про них и в садике нашем ведомственном железно договорилась, что как исполнится Леночке три годика, так всех скопом и определю. А сама на работу, место за мной сохранялось. Я уж и рвалась туда, если честно, подустала с малышней. Спасибо, что росли здоровенькие, а не как у других, где сопли за соплями. Мои удались крепенькие, да у нас и в роду на здоровье никогда не жаловались. Хорошее наследство.

Надо было мне богу свечки ставить, а не гордиться... Вот, видно, и сглазил кто-то. Вышло глупо, но семья наша развалилась.

Получилось так, что для устройства в садик надо было сдавать анализы. Дело нетрудное, я девочек поводила, куда нужно, и порядок. Кровь, моча, ну и специалистов обойти, подписать.

Анализы получились хорошие, всё в норме. Участковая даже похвалила. Результаты записала по карточкам, а карточки мне на руки пока. Там у них в поликлинике что-то перетасовывали, в регистратуре образовался временный беспорядок. Так просили попридержать документы на дому.

И вот! Пашка от нечего делать начал всё это листать и читать. Так просто, интересно. И тут видит своими глазами, что у близняшек третья группа крови записана, а у Леночки первая! А у нас-то с ним, у обоих, третья положительная. Это как же так, а?!

Я на колени перед ним упала, плачу-рыдаю! Клянусь, что Леночка его, а он не верит. Ну, анализы же, не шутка! И так-то он ревнив был, хоть и не скандалил, а только злился очень. А тут весь белый стал, лицо перекосилось. Думала, что убьёт и не дрогнет.

Но он на меня руку никогда не поднял, что бы ни было. Вот и тогда не тронул, хоть и кричал очень.

Всё, разрыв. Сначала нас разводить не хотели, дали ещё время одуматься.

Это я потом узнала, что кровь не передаётся точно по той же группе, что у родителей. Оказывается, схема даже есть и по ней можно посмотреть, какая кровь получится у ребёнка. Так вот у наших-то детей могла быть или третья, или первая. Хоть и малый процент для первой, а могла!

Да и я ведь голову ломала-сушила, как так? Если бы был грех, то да, но ведь ни сном, ни духом, хоть умри. Уж думала, а не подменили, часом, мне в роддоме Ленку?! Она ведь и на лицо ни в меня, ни в Пашку, а сама в себя. Вот Танька и Тонька – те да, папины дочки.

Пашка тогда как взбесился: нагулянная Ленка, и всё. Он меня прямо возненавидел, сразу к своим переехал, ещё до официального развода. А на суде молчал как рыба. Видно, не хотел меня позорить, пожалел. Ну и я, тупица, промолчала. Характерами, значит, не сошлись, и точка.

Разве не идиотка?! Скажи я тогда правду на суде, может, судья, женщина с образованием, и остудила бы Пашку, и объяснила. А так всё же развели, хоть и с третьего раза.

Родители все были в расстройстве, брались нас мирить, да куда там... Алименты Пашка платил исправно, ведь по документам все девчонки ему родные. Да и не болтал нигде, почему разошлись. Мужик хороший, чего там.

Потом он быстро женился, уехал в Псков. Почему так далеко, я не знала, да и не интересовалась. Пашка переехал и своих родителей туда же перетянул, они квартиру сменяли. Меня с места не сгонял, спасибо.

И вот, когда старшие девчонки уже пошли в первый класс, заявился однажды Пашка с повинной головой: просветил его, умника, всё-таки кто-то. Это он мне про схему-то и рассказал, меня заодно обучил...

Так каялся, так в грудь себя бил, бедный! Да что толку. У него там уже сынишка родился. Что ж теперь, вторую семью рушить? Так и я уже поостыла. Любовь прошла, осталась обида: без вины виноватая. А Пашке – урок на всю жизнь.

Поговорили мы, значит. Как будто точки все расставили. Пашка поклялся, что всё для девчонок сделает, раз такое сам натворил.

А ведь выполнил обещание! Так что счастья ему и здоровья, моему самому любимому в жизни человеку. Он – моё первое, самое дорогое бабье лето.

Вот почему говорят «весна любви»? Не согласна я, нет. Весна – это красиво, всё начинает расти-цвести, чего-то ждать. Весна – это юность, точно как и в жизни человеческой. Потому весна любви, по моему понятию, у всех одна. Промелькнёт – и нет больше, одни воспоминания.

Моя весна – это, как ни крути, был Колька-слесарь...

А как пройдёт весенний хмель, так и наступает лето. Тут – как суждено: может быть и одно такое бабье лето, а может и больше. Но больше не всегда лучше, а просто факт.

Я пережила четыре замужества; значит, четыре бабьих лета. И все разные, ни капельки не похожие.

Когда Пашка покаялся, я как будто камень с души скинула. До этого жила всё-таки с чувством вины. Хотя и понимала, что я ничего плохого или тайного не сделала, но и жалела: как такое стерпеть?

А разъяснилось всё – и стала я от вины свободной. Снято с меня подозрение, и можно начать с нового листа. Ожила душа, засмеялась, захотела праздника. Я ведь безмужняя больше трёх лет пробыла и даже ни на кого не посмотрела.

Дети, работа (я, конечно, вернулась на прежнее место). Родители, ясное дело, поддерживали. И всё допытывались: ну почему, почему мы с Павлом разошлись? Я врала, что Пашка изменил мне, а я случайно узнала. Мама качала головой, не верила:

– Не хочешь мне сказать, вижу.

Даже на картах раскинула и заявила:

– Выпадает, что между вами кто-то встрял. Может, ты кого нашла? Ну не постигаю я, чтоб Павел... Хотя казни меня!

Но Пашка ведь быстро женился, и мама подумала, что ошиблась. Мы не говорили про то больше.

И решила мама уговорить меня снова выйти замуж. Она вообще-то никогда не давила на меня, очень жалела и любила, но тут пристала как репей. И таки добилась, что и я начала про это думать.

Правда ведь: моим девочкам папа нужен не дальний, а под боком. Вот есть же у меня самой отчим; а разве он плохой отец?!

И случай подвернулся, стоило только задуматься серьёзно. Да не где-нибудь, а прямо под боком, на одной лестничной площадке. Дверь напротив!

Поселился там мужчина по обмену. Так, с виду более-менее интересный, лет сорока, да только очень одичавший какой-то, как с вокзала. Вроде не ел и не мылся с месяц. И вот смешно; обычно как бывает? Одинокая женщина начинает уговаривать соседа-мужика то полочку прибить, то лампочку вкрутить... А там как пойдёт. Правильно?

У нас же получилось наоборот: он меня позвал на помощь. Однажды постучал в дверь и сильно попросил:

– Соседка, не откажите! Найдите часок, сварите мне борща. Сил нет, как хочется, даже снится! Извините, конечно. У вас дети; некогда, наверное... Извините!!!

Жалко мне его стало до слёз. Я на его смущение заулыбалась. Успокоила, дотронулась ласково до руки:

– Приду. Купите только что надо. Знаете?

– Ой, да знаю!!! – он чуть не заплясал. – Вот спасибо, красавица! А фасоль брать? Я не помню.

Я тогда записала ему всё на бумажку, а то перепутает на радостях. И вечером, действительно, пришла и сварила. Всю душу вложила, честно. Так мне ему захотелось угодить почему-то!

Он оприходовал три тарелки. Хотел, может, и еще, да застеснялся. Могу же подумать, что как с голодного краю.

А я сразу не ушла, помыла ещё посуду, выдраила раковину на кухне.

Начистила заодно и плитку, и она стала как из магазина.

– Ой... – растерялся Захар Петрович (так он себя назвал). – А я ведь хотел тут всё менять. Раковину вот... Думал, что она старая такая.

– Да не раковину вам надо менять, а жену, – строго сказала я. – Что же это за баба, которая так запустила и вас, и квартиру?! Извините за прямоту.

– А... – протянул он. – Нет у меня никакой жены. Нет её больше.

– Умерла? – посочувствовала я.
– Нет, почему? – махнул он рукой. – Я моряк, подолгу в рейсах, а не каждая ждать умеет. Мы разменяли квартиру и разошлись как в море корабли.

Простая история, бывает... Мы посидели ещё, поговорили, я рассказала про себя. Странно, ему первому открыла всю правду.

Он удивился, поразился, вскочил и забегал по кухне:

– Ах ты, раскудриттвою... Надо же!!!

И совсем неожиданно добавил:

– Вот что, Валя. Если обидит кто, хоть на работе, хоть где! – мне скажи. В порошок сотру.

А через две недели мы стали жить вместе.

Моя мама была на седьмом небе от счастья. Девчонки тоже приняли отчима хорошо, стали звать его «дядя Захар». Он был меня старше; на чужой вкус сильно, на целых пятнадцать лет. А мне это не мешало. Казалось, что, наоборот, я старше его.

Я сначала ни за что не хотела расписываться. А к чему? Живём вместе и ладно. А если разладится, то недолго и закончить.

Но Захар настаивал. И настоял. Честно говоря, было приятно, что он так тянет меня в загс. Вот не верьте никогда, если женщина говорит, что не хочет замуж. Если не хочет, то надо искать другую причину, чего именно она не хочет. Хоть и путано я сказала, а чистая правда.

Я, например, побаивалась, что после загса отношения наши испортятся. Я не хотела стать обязанной или привязанной, вот что. Но, пожив с Захаром полгода, всё ж таки решилась.

Интересная у нас получилась семья, с двумя квартирами. Его однушка стояла чистая, вылизанная (я не пожалела рук!), как будто отдельная третья комната. Ну, есть и есть, очень хорошо. Туда любили

приходить наши девчонки, если хотели побыть сами, без нас.

Захар жил со мной без малого пять лет. И в рейсы ходил, и вещи привозил, и деньги хорошие зарабатывал. К тому же, и у меня кое-что имелось.

Но за эти-то пять лет и произошло много такого, что искривило русло не только нашей семьи, но и всей страны: рухнул Союз и начались недоброй памяти девяностые.

И мы сразу много потеряли в деньгах: в один момент все наши накопления стали бумажками. Хорошо хоть, что в доме всё давно было, да и импортной одежды-обуви – полные шкафы: что нам, что девчонкам подросшим. Напривозил, успел.

– Вот видишь, Валя, прав я был! – часто теперь повторял Захар.

Это он намекал на наш давний спор. Я же деньги всё в кучку собирала, складывала – и на книжку. А он однажды и говорит:

– Зачем ты это копишь? Трать, не жалея, как душа просит.

Я ответила, что на чёрный день. Помню, как Захар рассердился:

– Если ждать чёрного, так он и придёт! А ты не жди, не каркай. Вот давай-ка, ответь: накопишь много-много-много, и что? Представь, что никакого чёрного дня так и нет, а деньги – вот они. Что станешь делать?

– Ну, – задумалась я, – куплю что-нибудь.

– Например? – не отставал муж. – У тебя и сейчас всё есть. Ты же даже не можешь сразу сказать, что купить!

– Надо подумать! – не сдавалась я.

А и правда, назвать так и не смогла. Всё у нас было, точно! От любых шмоток, белья, посуды до золотых колец, по два на каждый палец. Машину, дачу? – Так Захар не хотел, а мне на что?

– Квартиры купим!!! – нашлась я. – Три девчонки в доме, шутка ли!

– Это как судьба решит, Валя, – сказал муж грустно. – Пока этот капитал копим, денежки в одночасье могут пропасть и разведёшь ты руками: что ж не тратила, чего ждала? А здоровье – всё равно не купишь.

И ведь вышло по его словам, как в воду глядел. И про здоровье тоже угадал. Правда, не про моё, а про своё...

Началось с жалоб на головную боль, потом чаще и чаще. А кончилось быстро и страшно, через три месяца от дня первой жалобы – похоронили мы Захара. Рак без разбору лупит. Любого человека по любому органу. Захара моего – по мозгу. Хоть и

вынула я все деньги, которые после инфляции остались, хоть и распродала всё- всё самое лучшее, а ничего не помогло. Осталась я вдовой.

Вторая квартира оказалась уже ни к чему, и я её продала, о чём потом горько жалела: продешевила.

Ох и сильно я тосковала по Захару! Не думала ведь, что вот так привязалась, приросла... А вот не стало его – и ничего не надо.

До чего мало я, неразумная, его ценила. Дельный же мужик был, а мне казалось, что зануда. Часто только делала вид, что слушаю его, балаболом считала. А похоронила – и стало всплывать в памяти каждое его слово. Ничего он не балабол! Жизнь понимал точно, в самый корень смотрел.

Смерти грядущей не боялся ни грамма, я видела. Он не храбрился, а просто не боялся. Сразу как-то понял, что немного ему осталось. Меня жалел, а не себя. Как, мол, я опять одна, да с детьми. Девчонки, хоть и взросленькие уже стали, а забот только прибавили. Это ж всегда так, тем более с дочками.

Особенно мне вспоминалось, как Захар однажды сказал:

– Валечка! Пока живы, все мы на этой земле на празднике и в гостях.

Я поначалу не вникла, не вслушалась. А потом... Как обожгло! До чего верно! ДОМА мы будем только потом, когда зарюют...

Вскоре поставила я мужу памятник: хороший, дорогой. Не пожалела денег. Да и вообще решила больше никогда их не копить. На памятнике такую надпись заказала, как Захар часто говорил: «Жить надо, пока живой!».

На работе очень меня жалели. Я ведь с лица даже почернела, как будто выключили меня навсегда. Похудела до костей, сама на себя смотреть не могла; мимо зеркала ходила, как вдоль глухого забора, не поворачивая голову. На что любоваться? Зачем?

Мне даже предложили в отпуск уйти, внеплановый. Ну, уговорили. И правда, не было сил куда-то ходить, что-то делать. Хотелось одного: лечь и не вставать и чтобы никто не трогал.

Это всё было летом, и мама моя забрала девчонок к себе до сентября. Спасибо ей, она правильно почувствовала, что мне нужно побыть одной, в тишине и

покое. Я отлежала дома две недели, питаясь запасами консервов. И ведь помогло, вот удивительно: проснулась однажды утром и поняла, что всё, отстрадала. Теперь вроде выплыву.

И сразу откуда что взялось: и уборку сделала, и себя в нормальный вид привела, и на работу доложила, что завтра уже выйду, порядок. Спасибо, мол, отошла.

А вернувшись в свой кабинет (я имела отдельный, хоть и малюсенький), я увидела, что чуть не погиб мой цветок на подоконнике. Я-то про него напрочь забыла, и он едва не умер: листья сделались как жёваные тряпочки, даже цвет поменяли.

Будете смеяться, но я себя почувствовала чуть ли не убийцей. Забрала его домой и долго выхаживала, как ребёнка. Спасла и окончательно очнулась, почувствовала себя сильной, кому-то нужной.

Жить надо, вот что. Жить!

Хоть и стала я относиться к деньгам по-другому, а были они мне очень и очень нужны: не хотела я копейки считать, да и не привыкла. А времечко настало прижимистое, люди совсем обнищали. Понесли на стихийные рынки для продажи всё. Ну, буквально всё! От сервизов до отвёрток.

А у меня же дети!

И решила я, что копить и собирать не буду, а жить хорошо и уверенно обязана, хотя бы ради девочек моих. И пусть завистники болтают что хотят, а я нищете не дамся.

Магазин наш, до то времени народный и государственный, быстренько приватизировали. Да сначала вроде как коллективно: каждому досталась акция (доля, значит, своя); вроде всё по-честному. А потом и сами не заметили, как эти акции мы же и отдали за копейки, и немного погодя у всего нашего совместного добра появился один большой хозяин. Наши шептались, что это бывший комсомольский секретарь. Вот они, значит, какие, идейные эти: растащили страну по кусочкам.

А нам тогда, простым, чего зевать?! И так нас обобрали дальше некуда. Тут выживать надо, кто как может.

И вцепилась я в работу, как волк в кусок мяса. Показала хватку и характер, и меня новый шеф заметил. Не думайте, что я вдруг стервой какой-то стала, не было такого. А просто за хозяйский интерес

крепко стояла; ему хорошо, и мне на хлебушек с маслом.

Тут ведь как стало: конкуренция! Мы раньше и слово это всерьёз не принимали. Вроде только у капиталистов проклятых бывает. А тут свалились и рыночные отношения, и прочие новости.

А в нашем магазине, скажу без хвастовства, всё начало крутиться по моему слову. Ну, что поделаешь, пришлось перетряхнуть коллектив, я-то всё про всех знала. Но с плеча не рубила: сначала честно предупредила на собрании, что начинаем жить в ногу со временем. Помните, как раньше нас, пионеров-комсомольцев, учили? – Всё народное, всё ваше, поэтому берегите. Учили, что все мы на себя работаем, а не на дядю.

А теперь, смех и грех, именно на дядю. И «дядя» ничего и никому не спустит; моментом на улицу выставит. А там желающих на твоё место – в три ряда три километра.

Так вот, предупредила я, значит, продавщиц; а потом – каждый сам кузнец своего благополучия. В магазине, особенно где товар на развес, всегда можно работать с хорошим наваром. Но надо же головой думать! Кто потерпит, если продавщица и сама подставляется, и хозяина напрягает?!

Надо меру знать, и всё! Тогда гарантированно будешь с доходом. А лучше ведь каждый день по чуть-чуть, но всегда, а не однажды: много – и сразу на увольнение. И, конечно, я сурово поступала с такими вот неумными и жадными.

Вот, к примеру, было, что Сонька из молочного отдела (а она и всегда: чуть что, как откроет рот!) довела покупательницу до письменной жалобы. Да не просто жалобы, а со скандалом. Покупательница – бабка прежняя, правильная; не видно, что ли?! С такими вообще связываться нельзя, а Сонька обвесила, да не на пять граммов, а чуть ли не на сто. Тётка покупала творог, самый дешёвый; видно, на что-то другое и денег не было. Брала два кило.

И Сонька решила, что незаметно будет. А тётка сразу – бац! – и на контрольные весы. Может, специально хотела подловить, такие покупатели тоже попадают, общественники хреновы.

Если б она сходила домой, там перевесила и вернулась с жалобой, то большой привет, ничего не доказать. А тут как по нотам! И сразу меня позвали, ведь бабка орать начала, кулаком стучать. Жалобную книгу пришлось дать. Выслушала я, конечно. Факт налицо. И бабка эта, видно, что не остановится. Если не до президента,

то до газеты какой-нибудь доползёт, мало не покажется.

Я быстро-быстро уладила: извинилась, творога додала, да ещё и «моральную компенсацию» из своего кармана выложила (на ходу сообразила, шеф потом хвалил, в пример ставил). Мол, от имени владельца: это он велел всех пострадавших рублём уравнивать. Извините, примем меры.

Покупательница наконец успокоилась и ушла. Вроде сердитая, а на самом деле довольная-предовольная, я же видела.

А я Соньке и говорю:
– Заявление пиши «по собственному» и будь здорова.

Остальные продавщицы глаза опустили, промолчали. Правильно, чего там! Из-за таких сонек всех вытурят и других возьмут.

Сонька затряслась, запросилась. Понятно, кому же хочется?.. А я как кремень. Нет и нет.

Сразу и шефу позвонила, он одобрил:
– Гони в шею без разговоров.

А вечером Сонька ко мне домой припёрлась, да не одна, а с сыном шестнадцатилетним. Хитрая, зараза. Противно было.

Она ведь в коридоре прямо бух! на колени. Не вру: именно на колени. И сыночек рядом плюхнулся. Видно, приказала. Но он плюхнулся и стоит, глаза в пол; а она завывала и давай за ноги меня хватать:

– Валечка, пожалей! Сколько лет верой-правдой...

Комедиантка, какой верой-правдой?! Если по-честному, так в тюрьме ей давно уже самое место.

Я кричу:

– Встань!

А она своё, да ползёт сзади. Я на кухню – и она на карачках туда же. Девчонки мои дома были, выскочили, испугались.

Я ору:

– Да хватит, сына хоть не позорь!

Ой, я на месте пацана до конца своих дней не простила бы мамочку. Надо же...

Короче, подняла я их обоих, а саму просто трясёт. И жалко, и мерзко.

– Ладно, – говорю, – но я главному уже доложила, назад играть не могу и не буду. Сама знаешь, что он назад не решает. Нарвусь только и сама с места слечу... Ну вот, зачем ты тётку довела? Что теперь? Всё мало тебе?! Что я ему скажу?

А у неё уж и ответ готов; заранее, видно, продумала:

– Валечка, да ты только согласишься, что меня можно оставить, а я с Валерием Сергеевичем сама завтра поговорю. А ты просто ему подтверди, что шанс даёшь.

Да-а-а... Хитрая, верно рассчитала. Завтра среда, Валерий всегда в этот день утром приходит, железно. Правильно, за своим добром неусыпный глаз нужен. Значит, он зайвится, а она к нему с повинной мордой (с очень красивой, между прочим), да ещё и на меня сошлётся: Валентина простила! Шеф мне доверяет как себе.

И поняла я, что попала в жёсткий переплёт: зря поддалась эмоциям, напрасно пожалела Соньку, глупая. Шеф её помилует, ясно. И получу я врага страшного в виде Соньки просто под боком. Разве она из тех, кто забывает свое унижение? Ой-ой...

Просители ушли, а я заметалась по квартире как раненая. И вдруг, сама не ожидала, осенило. Опять набрала номер шефа:

– Что, Валентина Ивановна?

Я, сбиваясь и волнуясь, попросила о встрече:

– Срочно, прямо сейчас! Очень важно!

– Валя! – удивилось начальство. – Я же завтра с утрачка в магазине. И поговорим.

– Нет-нет, будет поздно! – заторопилась я. – А по телефону не могу, надо лично. И только сегодня, с глазу на глаз. Важно!

Образовалась пауза, и я замерла.

– Лично, говоришь? – переспросил шеф. – А где? Не на улице же.

– Можно вас попросить приехать прямо ко мне? – ляпнула я.

Эх, была-не была!..

– Понял, – произнес Валерий веско. – Сейчас буду. Ты какое вино любишь?

– Любое, – охнула я.

Приедет ведь, добилась! Ну, теперь назад дороги нет. Хорошо хоть, что мои девчонки на дискотеку собрались. Уже вон босоножки надевают. Пусть идут поскорее!

Шеф прибыл, как и сказал, ровнёхонько через тридцать минут. Я быстро накрыла журнальный столик в зале, поставила хорошую закуску. Благо, всегда имеется, хоть днём, хоть ночью.

Мы выпили, и я дрожащим голосом спросила:

– А как же вы потом... выпивши... на машине?

– Ой, Валюша! – развеселился Валерий. – Мне все менты честь отдают, когда еду.

И деловито продолжил:

– Давай, что там у тебя? Что за пожар?

Я осмелела после вина. Почувствовала, что делаю верно. Только так и надо, чтобы и на месте остаться, и на высоте. Подробно рассказала, как было, покаялась:

– Я ведь сглупила от неожиданности, Валерий Сергеевич! Получается, что перевела стрелки, вас подставила. Мол, я как бы простила, а теперь вы утвердить должны. Ой, какая нелепость!.. И ваш авторитет подрывается. Ой, не могу!

И я заплакала. Искренне, без притворства.

А ему это понравилось:

– Валечка, правильно, что предупредила. Уволила так уволила! Я завтра откажу ей сходу, да ещё и на тебя прикрикну, не обидишься? При всех, так лучше! Мне на Соньку плевать, уберём с глаз долой.

– Спасибо! – я на радостях ещё и второй бокалхватила. Стало хорошо и совсем просто.

– Ну? – ухмыльнулся шеф, подмигнув. – А кроме «спасибо» будет ли «большое спасибо»?

А, чего там!.. Я никому ничего не должна, ни перед кем не отчитываюсь. А Валерий, так это его проблемы, не мои.

Короче, случилось у нас. Мне даже понравилось, ну, или от вина так показалось. Но было хорошо и совсем никакого сожаления. Начальнику, вижу, тоже очень даже угодила.

– А ты сладенькая, – похвалил он.

И деловито объяснил:

– Валя, в любовницы я тебя не зову, не напрягайся. Ну, если когда у нас опять такой пасьянс сложится, то и хорошо, я умею добро помнить.

Ой, молодец какой! И я молодец. А то ведь «большое спасибо» могло быть и от Соньки, и даже наверняка. Весь магазин в курсе её постоянных шашней. Все знают, кроме сильно рогатого муженька... Свят-свят!

И наутро было чётко: Соньку – за порог, а мне, как и договаривались, шеф прилюдно «отвесил»:

– Валентина Ивановна! Таких, как эта, – сразу гнать поганой метлой, а не давать вторых шансов! Надеюсь, вам ясно?!

Я закивала, что да, конечно. Сонька убралась с поджатым хвостом. Остальные

получили хорошую острastку, а я – повышение зарплаты.

Очень кстати и вполне заслуженно.

Сонька, стерва, пыталась мстить. Ой, напугала ёжика... Что она может? Она ходила по товаркам бывшим, грязь на меня лила, настраивала. И что? Мне же они и рассказывали всё сразу, ведь кто она и кто я?! Со мной дружить надо.

Денег у меня прилично подсобралось, хотела устроить себе и детям что-то шикарное. Ну, может съездить куда-нибудь, где престижней.

Совсем уж было определилась, девчонкам своим наобещала. И тут случилось нежданное, всё пришлось отменить. Именно отменить, а не отложить: деньги понадобились почти все.

Мама моя, я думала, что это возрастное, от маленьких жалоб на боли в животе перешла к температуре и большим проблемам. Я её в охапку и по врачам! У меня всё схвачено было, я давненько перестала унижаться по кабинетам в нашей поликлинике: ни толку, ни лечения; одна ходьба по этажам и нервы.

У нас в городе открылся хороший медицинский центр. Самое смешное, что с теми же докторами, из нашей поликлиники. Значит, за деньги они МОГУТ, а бесплатно – шиш. Вообще-то оно и понятно, чего там...

Так вот, я туда и начала обращаться. Ничего особенного у меня не было, но всё же спокойнее, когда сам про себя в курсе. Тем более что в нашей работе медосмотр за медосмотром, так положено. Но плановое – оно формальное, только для санитарной книжки, сквозь пальцы все смотрят. Мне так не надо.

Повела я маму скорее туда, в платную. У меня же там врачи – и прикормлены, и в приятелях (на всякий случай).

И вот определили, что у моей бедной мамочки нагноение пошло. Она же терпеливая, как партизанка: всё оттягивала. Только когда припекло, запросилась. Как всё это правильно называется, я и до сих пор вспомнить не могу; ну их, эти термины. А суть такая: надо кусок кишки отрезать, где гнить начало, а конец вывести на живот, дырку сделать. Потом через неё ходить по нужде.

Всё, калека! Я кинулась выше, в Санкт-Петербург. Это шеф, Валерий Сергеевич, мне номерок дал, посодействовал. Договорилась я, поехала в

разведку. Питерский врач принял меня и спросил прямо:

– Есть ли у вас деньги? Большие?

– Есть, – говорю.

Он назвал сумму – у меня хватало. Думала, если что, у Валерия ещё одолжить. Ему это вообще копейки. Но, слава богу, и сама потяну.

Тогда доктор и говорит:

– Могу вашу маму прооперировать по-новому, и никакой дырки. Будет нормальная, как все.

– Как так?! – обрадовалась я. – А можно?

– Можно, – кивнул он. – Чтоб вы поняли, объясняю: плохой участок отрезаем, части соединяем при помощи специальной трубки, переходника. Но в России её не делают, мы получаем из США. Очень это дорого, поэтому я и спросил. И второе, раз уж вас Валера рекомендовал, то можно откровенно? – Кроме платы, которую вы внесёте в кассу больницы, мне лично – столько же. Вы меня поняли?

Поняла, поняла! Пусть берёт, что хочет, лишь бы сделал. Гарантирует же!

Короче, через три дня мама уже лежала в клинике, а я при ней. Шеф отпустил без всякого. Отчим тоже рвался ехать, но я не дала. Он по натуре паникёр, пусть лучше издалека переживает.

И что вы думали? Сделал доктор, как и говорил. Хоть глазам своим не верь, как ворожба какая-то.

Десять дней мамочка отлежала, вот на моих глазах заново рождалась. И всё! Уехали мы домой, и она быстро дошла до полной поправки. Забегала! И забыла всё как страшный сон. А ведь могла и умереть... Или жила бы как увечная с такими-то проблемами и инвалидным видом.

Я до чего рада была, что потом специально ещё раз в Северную столицу смоталась, отвезла доктору здоровенную сумку с большими деликатесами. Это уже от себя; от души, так сказать.

Он взял, конечно. А чего не взять? Я уверена, что все так делают. Сказал мне на прощание: мол, если что, звоните сразу. По любому вопросу и к любому специалисту, от глазного до зубного. Петербург есть Петербург, чего там.

Вот и говорите после этого, что деньги не главное. Деньги – это свобода, вот что. И даже жизнь! «Здоровье не купишь», – все утверждают. Да и Захар часто повторял. Ох, если бы с ним ТО страшное случилось не тогда, а сейчас, может, этими деньгами я бы и его с того света вытащила! Если бы...

Я сходила в церковь и поставила свечки: мамочке, Валерию Сергеевичу и хирургу – за здоровье, Захару – за упокой. И вот именно с того дня стала я верить по-настоящему. Именно с того дня, я точно знаю.

А ведь была и крещеная, и к верующим относилась уважительно. Мало того, думала, что и сама ВЕРЮ. А не то это было, теперь знаю.

Поверила я только в ту минуту, когда ЗАХОТЕЛА поверить всем сердцем. Значит, для настоящей веры одного Бога мало. Нужен ещё и сам человек, который этого Бога готов принять, как свою душу.

В этот день бросила я в ящик для пожертвований крупную бумажку. Дала от всего сердца и подумала, что буду приходить теперь в храм часто. Ну, честно говоря, часто не вышло, а всё равно верю я теперь на всю оставшуюся жизнь.

Я работала всё активней и теперь точно знала: деньги – жизнь. Зарабатывала – и переводила в «зелень», так надёжнее. По-прежнему не скупилась и не экономила, но в меру. Золотых кренделей не надо, а жалеть деньги глупо.

С шефом – дружила, а больше не случалось между нами ничего «такого». Но, вспоминая тот вечер, я всё-таки долго досадовала: как с вещью поступил... Но сама ведь была не против, чего злиться? Одёргивала себя: это пустая обида. Было – прошло!

А он вскоре крепко вляпался, у нас это подробно обговаривали: решил со старой женой развестись и жениться на восемнадцатилетней модельке. Ну, эта малявка длинноногая ушлая оказалась, ничего не скажешь. А Валерий?! Пусть бы спал с ней да перед друзьями хвастался, как другие мужики делают. Всё меряются, у кого машина круче, у кого зазноба грудастей. Пусть! А жениться – какого рожна?! У него, лысого, уже дети взрослые, сын и дочка. Оба – старше этой присоски.

Вот уж, действительно: запросто мужчина может с катушек слететь, если влюбится. Как мальчишка становится, слюной исходит... Я попыталась было осторожненько, по-хорошему, сказать ему, да он так цыкнул, что закаялась.

– Ты, – говорит, – ничего не понимаешь! Может, меня впервые в жизни любят по-настоящему. Да и я тоже!

Ой, дурень старый. Ну-ну, думаю. Известно, чем кончится. Потом напомним

тебе. Но мне его жалко стало, ведь только хорошее от него видела. А как помочь, когда он сам выплывать не хочет? Да и что я могу?

Однако случай подвернулся-таки. Валерий свою кралю уж и не скрывал, мы в магазине все её в лицо знали. Всё про неё поняли, это ж не трудно: жмётся к нему, а сама глазами так и зыркает по залу. Наверное, она и в магазин с ним приходила, чтобы хозяйским глазом заценить, что и как.

Валерка – он хоть ухватистый и деловой, а простой. Зря никогда голос не поднимал, умный хозяин. А эта фифа – дай только волю, так пятый угол не найдёшь. Хоть рожа и фирменная, а злая. Такую к сорока годам перекосит, вовек не узнаешь! Это только пока юная, так смазливая.

Так вот, значит: случилось мне увидеть её с другим, с молоденьким. Он или ровесник, или на годок старше, не более.

А было так. Я к гинекологу записалась (ну, в той дорогой конторе, я рассказывала). Что-то у меня по-женски не заладилось. Да и то, не первый год мужика не имела, это ж разве хорошо для организма?

Сижу я, значит, в коридорчике, жду. Там всё по времени. Очереди нет, а просто приходи – и вызовут, всегда быстро. Плати только и радуйся.

Вдруг вижу, влывает Валеркина красотка, да не одна, а за ручку с ухажёром. Но не с братом же, ёлки-палки! А она ко мне подошла, хоть бы хны. Я подумала, что сейчас узнает, а она – нет, как первый раз видит. Да с чего узнавать, если она ни на кого из нас и не глядела. Кто мы такие? У неё к полкам большой интерес, а лица ей что зады.

Спрашивает: «Вам на какое время?»

Ну, я сказала. А она: «Значит, я за вами получаюсь. Раньше пришла: думала, быстрее будет».

Уселась они в уголок, сначала шептались, а потом гляжу – обжимаются. Ну вообще! Если они на людях так, что тогда наедине?! Или я им тут как мебель? Но молчу, конечно. Гляжу внимательно, запоминаю. Жаль, разговор непонятный, уж очень тихо бормочут. Но я дослышала, что кавалер этот по имени Славик. Уже немало.

Тут меня и вызвали. А после я уже не стала ждать-караулить, зачем. Ясно и так! Не медля, позвонила Валерию. И до чего я злая в ту минуту была, что слов не выбирала и издали не заходила, а прямо в лоб!

– Валерий Сергеевич, только что видела вашу невесту!

Где, с кем, как она себя вела – всё до точки. И что Славиком называла. Слушал –

не перебивал, это с его-то характером! Видно, проняло до кишок.

Не знаю, как он там с ней объяснялся, но на другой день она пулей влетела в магазин да прямиком ко мне в каморку. Ворвалась и уставилась, глазами ест. Я смотрю, молчу. Что дальше?

– Эй, ты, – говорит, – сплетница старая! Ты мне ответишь! Вот мы поженимся, я с тобой рассчитаюсь!

А, ясно. Не испугалась я, даже глазом не моргнула. Да по ней же сразу стало понятно: всё, приплыли. Не поженятся. Пролёт фанеры над Парижем! Надо было своего бойфренда прятать, как в швейцарском банке, до поры до времени. А не липнуть к нему на виду.

Это я ей и сказала, не смолчала. А она дверью так грохнула, что чуть ручка не отвалилась. Иди-иди, не оглядывайся.

Валерий пережил нелегко, но очнулся. Раскопал всё сам. Что там копать! Включил, наконец, мозги. Как она вообще его дурила, неясно. С такой-то золотой головой, как у него! Мы её больше и не видели. Да ничего, такое дерьмо выплывет. Другого папика подцепит, в накладе не останется.

А Валерий мне потом благодарен был. Я вам больше скажу: уж не знаю, каким таким путём (может, шеф сам дома покаялся), но и его жена узнала, что это я Валерию правду доложила. Она позвонила мне. Клялась, что добрую услугу вовек не забудет.

Обращайтесь, мол, Валентина Ивановна, я тоже многое в силах исполнить. Намекнула, что может девчонок моих пристроить на хорошие места, ведь они школу заканчивают.

Я обрадовалась, конечно. Ещё один друг кому помешает? Так я и наметила, что насчёт дочек именно к ней и обращусь. Да тут Пашка всё с ними решил не хуже, чего же я буду женщину зря дёргать? Может, пригодится в другом деле. Жизнь – она подкинет повод.

Сначала в Псков укатили старшие девочки, а ровно через год и Леночка: оттанцевала на выпускном – и к отцу. Я уж и не переживала ни капельки. Знала, как хорошо и надёжно он устроил Таню и Тоню. Достойный отец, что говорить.

Я ведь всегда побаивалась: три дочери, шутка ли! Женская судьба – это всегда дебри, нелёгкая дорога. Даже если счастливая. А тут три судьбы, и о каждой у

матери сердце болит. Но, слава богу, складывалось неплохо.

Уехала, значит, Ленуся, а мама моя опять за любимую тему: замуж давай иди, такая ещё молодая.

Да уж находилась, говорю. А она своё. Тоже ведь я ей дочь, и точно так же она за меня в заботах, как и я за своих.

Да и то. Мне ведь в тот год ещё и сорока не было. Дом – полная чаша, все родные в порядке, пора и о себе... Но муж не диван, не купишь с ходу.

Я ведь после смерти Захара о паре даже не задумывалась. Вот не знаю, почему. Не могу сказать, что меня мужчины не замечали. Наоборот! И даже, бывало, пытались познакомиться, а я чего-то шарахалась. А чего? Могла бы и телефон дать, и сходить куда-нибудь, хуже б не было. Глядишь, кого-то и выбрала бы.

Но, видно, всему свой срок. Раз я об этом только сейчас замыслила – значит так и должно быть. Надо решать, а то буду как соседка с первого этажа, умора ходячая. Главное, видно: была она в молодости хороша, и очень. С годами увяла сильно, но всю жизнь себе цены сложить не могла. Никого достойным не считала!

И теперь глядеть на неё и противно, и неудобно. Со спины стройная, тонкая (детей-то не рожала), а обгонишь и в лицо глянешь – фу-у-у-у... Ссохшаяся, старая, а размалёванная до невозможности. Ходит теперь вечерами часа по три, нога за ногу: юбочка выше колен, сумочка через плечико. Бёдрами качает как продажная. Авось кто клюнет...

Закончился твой клёв, рыбонька. Перестояла, протухла; получилась старая девочка. Спаси-сохрани-помилуй, глядеть тошно. Ходит-ходит, остановится, зеркальце достанет, сто пятый слой помады наложит и опять походкой яхты до угла и обратно.

Это я называю «проехать свою станцию». Вовремя не сошла где нужно, катайся теперь по кругу, а правильный час не вернёшь. А эта «девчоночка» уж по сотому кругу едет, а не по второму-третьему. Замкнутое кольцо...

И решила я походить в клуб, поучиться танцам. Всегда хотела, с юности ещё, да вот как-то не случалось. А тут думаю: почему бы нет. Тем более, что объявление увидела; всех желающих берут, кому «за». И плата смешная.

Вот я и записалась. В пару со мной поставили опытного партнёра, он мне помогал. Сам-то быстро схватывал, а я уже от него перенимала. Я втянулась, полюбила это дело. Занимались мы раз в неделю, по

воскресеньям, два часа днём. Больше всего нравилось мне танго. Сначала не давалось, а потом я лучше всех отжигала, правда! Даже завидовали некоторые, я ж ведь лёгонькая, вёрткая.

Я думала, что, может, в клубе и присмотрю кого из мужчин. Но никто пока не нравился. Разве что потом придёт кто новенький.

И новенький случился. Но он не был членом клуба, а оказался сыном того самого моего партнёра, Ивана Евгеньевича. Пришёл как-то к нам к концу занятия, должен был с отцом вместе ехать по делам. Мы и познакомились: Кирилл, двадцать три года.

Жена Ивана Евгеньевича, мать Кирилла, страшно не одобряла «танцульки» мужа, он мне жаловался. Она считала, что мужик – это когда охота, пиво или что-то такое. А Иван? – Танцы и марки. Неправильный, значит, супруг. А мне он нравился: вежливый, к женщинам очень уважительный. Я рядом с ним прямо королевой себе казалось, до чего красиво относился. Так что тупая у него жёнушка. Глупая и неблагодарная. Хамкам счастье...

Но не о ней речь, а о сыне её. Кирилл этот на другое воскресенье сам пришёл. Сначала я подумала, что просто заскочил предупредить: Иван Евгеньевич срочно уехал, друг у него умер. А потом догадалась я, что Кирилл прибыл ради меня.

Он меня подождал, проводил. Ну, вроде вместо отца: Иван Евгеньевич всегда галантно доставлял меня до подъезда, держа под локоток. Смешно, конечно, ведь я жила через двор напротив, три минуты ходу. Но приятно!

Мы легко разговорились, и я поняла, что нравлюсь. И закрутилось, как на карусели. Каким-то манером он и дома у меня всего через неделю появился, и близкий стал, и всякое такое... Я даже помолодела!

А на мой день рождения пригласил меня Кирилл в ресторан. Устроил праздник на двоих со свечами, в отдельном кабинете. Цветы, подарок. Сказка!

Хоть и счастливая я стала, а стеснялась. Боялась, чтоб Иван Евгеньевич не узнал. Хоть не из таких он, чтоб не понять, а всё же...

Повстречались мы с месяц, Кирилл уж и ночевал у меня три раза. И вот одним утром, после бурной ночи, приобнял он меня у зеркала, прижал, обцеловал и говорит:

– Давай поженимся.

Так вот оно какое, значит, моё третье бабье лето! Молодое, красивое, неустанное в любви! Ах! Дождалась!..

– Давай, Кирюша!.. Но что скажет Иван Евгеньевич?

– А что папа, – улыбнулся Кирилл. – Он тряпка. Как мама велит, так и будет. А она очень рада.

– Как?! Мама знает?! Ой...

– Знает и одобряет, – потрепал меня по щеке любимый. – Я ей рассказал, как ты шикарно живёшь и кем работаешь – она только «за».

Меня как будто льдиной по голове шарахнули, и я чётко увидела себя со стороны. Идиотка влюблённая; чем я умнее Валерки-шефа в тот период его кобеляжа?! Я не юная и далеко не бедная, а Кирилл – молодой бездельник в драных джинсах. Лучший из худших: не учится, не работает. Он «в поиске себя», сам говорит. И наверняка сейчас, попрощавшись со мной, поскачет к какой-нибудь Ирочке или Манечке за добавкой.

О, здравствуй, мозг!

Нет, Кирюша, не лето ты и не весна, а так. Пикник на болоте, кислое вино с гнилыми грибами. Хорошо, что проговорился так вовремя.

– Чего ты? – заглядывал он мне в глаза, сразу почуяв неладное. – Расстроилась? Ну, всё равно пришлось бы моим признаваться, правильно? Да ведь хорошо всё! – тормозил он меня. – Будем распрекрасно жить, у нас же всё есть! Покупать, что хочется, по миру поедим. Я тебя везде отвезу! Куда ты мечтаешь, а? Машину приобретём самую дорогую!

Ну-ну... Он даже до конца договаривает для особо одарённых. Он хочет теперь «искать себя» на мои деньги. Пока они у меня есть, конечно.

– Любимая! Родная! Единственная! Раскрасавица моя!!! – наяривал Кирилл, целуя мои плечи.

Но розовые очки уже упали. Они со стуком брякнулись об пол, только Кирилл не услышал.

– Тебе пора, – сказала я спокойно. – Извини, у меня дела. Привет маме.

– Передам... – растерялся мой разлюбленный. Он, глухой и слепой ввиду «золотой рыбки», ещё ни хрена не понял.

– Маме привет, а я БЫЛА уже с приветом, да вывернулась, – сказала я ровно и зло. – Убирайся и забудь сюда дорогу, юноша. Ишь, пристроился на дармовщину!

Маска была уже ни к чему, и Кирилл тут же её сбросил:

– Ой, и пойдё, подумаешь! Да кому ты нужна, кошёлка, если б тебе деньги!

– Спасибо, убедилась. Вот твои брючки – и вали.

Я без сожаления закрыла за ним дверь на все замки и всё-таки расплакалась. Жаль... Да-да, жаль! Но хороший урок. Ай да жизнь, ай да умница, учительница! Вот это лекция о семье и браке!

Ивану Евгеньевичу я так и не решилась признаться, да и зачем? Он уважал меня, а потерять это, клянусь, было бы для меня больнее больного. Ни за какие деньги не купишь хорошее мнение такого человека, хоть все банки ограбь.

Жаль только мне его, бедного, очень стало: это кого вырастил? А с кем жизнь прожил?! Такая жена – это не весна и не лето. И даже не осень, если на то пошло. Это ядерная зима! Не повезло моему партнёру.

А из клуба я ушла: не могла ему больше в глаза смотреть.

Вот вы как думаете, кто лучше: с умными мозгами или с доброй душой? Что? – с доброй душой?! А вот и мимо! Добряк такого может наворотить, что триста умников пять лет поправлять будут, да не поправят.

Кирилл меня крепко проучил. Ведь я-то собиралась его приодеть получше, устроить потеплее, задарить, заласкать. К моей глупой женской любви, видно, примешалась и материнская жалость, доброта самая необъятная; ведь у меня никогда не было сыночка!

Если женщина старше, то она, хочет или нет, а видит сына в том, кого полюбила. Даже к ровеснику и то женщина в какой-то мере испытывает материнские чувства; а уж если он пацан зелёный, так вообще. Как будто сама его родила, грудью вскормила...

Не будь у Кирюши такой глупый язык, всё по его мыслям случилось бы. И никто бы меня не отговорил, не отрезвил. Так сильно я втрескалась!

Я ведь не могла его сразу из сердца выкинуть, мучилась. Даже думала: может, показалось, может, сама виновата? Я же первая ему нагрубилась, а он ответил. А как я хотела?! Ему же обидно, а?!

И я снова пошла в церковь.

Постояла, подумала. Молиться-то я не умею, хотя «Отче наш» знаю. Вот это и пошептала, поплакала. «Избавь меня от лукавого!» – попросила.

И что? Как толкнуло меня. Как будто кто плечом нечаянно задел. Я даже

обернулась. Никого... И поняла я, что меня УСЛЫШАЛИ, знак дали. Загадала: вот выйду из храма, и первая фраза, которую услышу, и будет ответом на мой вопрос. Да!

Ещё повинилась, подумала: прощаю всех. Всех-всех-всех, кто меня обидел. И они пусть простят.

Вышла – и слышу. Мимо пара пожилая шла, жена мужу и говорит:

– Рассмотреть надо внимательно, а потом брат. Куда торопиться?

Туманно вроде... Я три раза повторила про себя: «Рассмотреть, а потом брат...». И прояснилось. Какое там «туманно», всё же яснее ясного! Правильно и мудро.

Спасибо, помогло!

И больше я мыслями к Кириллу не возвращалась. Зажило, как и не было ничего. Хорошо хоть, что моя мама ничего не знает про «юношу бледного».

И перестала я торопиться. Хороший оказался совет.

Поначалу осаживать себя пришлось, ведь я знала за собой недостаток: делать не думая, по первому порыву. Потом, мол, разберусь. Да и говорю так же, что первое на ум пришло. А не надо.

А вот разок-другой притормозила, гляжу – правильно. А потом ещё и в кинокартине одной услышала: «Мечь – это блюдо, которое подают холодным». Это ж про всё, а не только про мечь, если вдуматься. Точно!

У меня даже характер изменился, мама сразу заметила:

– Ты влюбилась или опять танцуешь, Валечка? Не пойму что-то.

И объяснила:

– Другая ты какая-то, на вид – лучше. Как отмытая. И глаза... Глубокие, что ли.

Да! Мамочка у меня хоть и простая, а приметливая. Именно глаза! Я стала и себе больше нравиться. И вот к этим глазам потянулись женщины-продавцы в нашем магазине, хоть верьте, хоть нет. Сначала подошла ко мне Наташа. Сказала, что надо посоветоваться. Потом Надежда Михайловна, самая наша возрастная:

– Валя, неприятности у меня дома. Может, ты со стороны рассудишь?

А потом я уже и не удивлялась, а приняла как должное, что ко мне шли. Я выслушивала, говорила, что думаю. И все знали: из моего кабинета ни одно слово не вылетит на сторону. Я надёжная, а язык привязан. Если доверили мне – это только

между нами. Что узнала – спрятала, на чужие руки не выдаю, в уши не шепчу.

И тут же сложили мнение: Валентина Ивановна – хорошая баба: и поможет, и болтать не станет, хоть режь. Так мне и сказала Маринка, кассирша.

Ну что ж, приятно.

Хотя роль моя, если вдуматься, была невелика: просто выслушать, не перебивая. Потом только сказать всю правду, как на себя примерить: вот я что бы сделала?

И я как будто жизнь по-другому увидела. Чётче, что ли. В мелких деталях, подробно, до самых тонкостей. Но самое интересное – я догадалась, что люди, которые ищут ответ, уже с этим ответом и приходят! Просто они этого не понимают пока. А вот когда выговариваются, то ответ этот вслух и выдают. А я слышу и им же и возвращаю. Да плюс своя честность на довесок.

Полюбили меня, я почувствовала. И даже работа по-другому пошла, хоть я, как и раньше, строго разделяла: дружба дружбой, а служба службой. Приходилось и наказывать, и увольнять. Но все понимали: я напрасно ничего не сделаю, не лишь бы зло сорвать. Если кто сам виноват – так нечего и обижаться. И так в магазине все при своём интересе, но не надо зарываться.

Про третий «замуж» я опять начала загадывать. Хотелось мне опекать кого-то, обеды варить. Чтоб радовался муж моим котлетам, уюту домашнему; чтоб хотел рядом быть...

Но вот про любовь думала теперь так: поздно. Пусть будет уважение и понимание, тихие домашние радости. И чтобы было к кому возвращаться с работы, чтоб ждал кто-то.

Стала мне в тягость тихая одинокая квартира. Дети, внуки, родители – всё это, конечно, счастье великое и милость Божья, но вторая половинка ой как нужна! Ведь и я сама без этого тоже только половина, а не целое. Вот как полжизни только, а не вся.

Постепенно в стране стали образовываться новые реалии, и наш маленький коллектив ощутил это на себе в полной мере. Как грибы после дождя стали расти всякие «Ленты» и «Полушки», и мелкие хозяева вроде нашего Валерия Сергеевича распродавали свои магазинчики. А куда денешься, если выдавливают? Отстреливать, как в девяностых, правда, перестали (тут Валерия пронесло), но отжимать – пошёл самый сезон.

Вместо маленьких торговых точек понастроили «башен». И к чему пришли? – Буханку хлеба просто так не купишь, а полчаса потолкайся в большом торговом зале, пройди сто раз мимо многих полок со всем тем, с чем тебе и близко не надо; а потом ещё поторчи в очереди к кассе. А впереди тебя люди с тележками доверху, всех пережди. В таком огромном магазине обычно больше десятка кассовых аппаратов, а работают почему-то три-четыре.

А тогда только начиналась эта песня про укрупнение. Хозяева сдавались один за другим, а кто теперь становился владельцем новых больших магазинов, было тайной из тайн. Он в Лондоне или Париже кофе попивает. Все понимают и знают – а что делать?

Не избежал этой участи и наш Валерий Сергеевич. Как ни крепился, как ни цеплялся, а однажды объявил:

– Всё, дорогие. Всем спасибо. Завтра ждите нового хозяина, я магазин продал.

Ну что ж, у каждого своя дорога. Пропал Валерий из виду, а куда – кто знает. Наверное, уехал подальше. Хорошо хоть, что деньги у него были, не пропадёт семья.

Новый хозяин явился сразу. Точнее, не хозяин он был, а «представитель». Так и сказал. Тоже нанятый, как и мы. Этот был молодой, да хваткий. Из «новых», которые в платных институтах штаны протирают, давая деньги за каждый зачёт. Выходят из них всякие менеджеры и прочая офисная шушера. Расталкивая всех локтями, рвутся к кормушкам. А там всем места не хватает, поэтому тот, кто дорвался, и есть самый сильный, безжалостный и наглый.

Вот такой, со стеклянными глазами, и заявился к нам. Собрал всех и рассказал, как нам велено дальше жить. Половина коллектива тут же и уволилась. Поняли, что будет обираловка самая настоящая.

А что, правда! Сейчас так повсеместно: недостача, штраф (да плюс ещё всё, что придумают на ходу) ложится на плечи продавцов и кассиров. Вот и выходит: когда нанимают, назначают приличную зарплату, а приходит день расчёта – она на треть меньше, если не вполовину. Наши с тех пор все ушли постепенно, состав обновился не помню сколько раз, даже со счёту сбилась.

Из прежних только я одна и держусь. Это мне повезло, я ведь администратор, у меня доход верный. Бывает, получается даже больше, чем рассчитывала (премируют или ещё что-то), но меньше – никогда. «Представители» владельца менялись (чаще

всего это были женщины; вот как сейчас, например), а меня – никогда не трогали.

Мне не стало лучше, работа не так уже радовала; а вот просто надо и всё. Правда, с кем за эти годы сдружилась, с теми и дружу. Хотя и разошлись трудовые пути, а друг друга мы не растеряли. Есть к кому прийти и с бедой, и с радостью, да и меня не забывают.

Но вот как началось тогда, что ко мне вдруг «пошли», так и осталось. Вот это и есть моя настоящая жизнь, а не магазин.

Ну ладно, это ж теперь. А тогда третье бабье лето, на которое вознадеялась, решила я организовать сама себе. Так сказать, не ждать милостей от природы. Поделилась с мамой, она засомневалась:

– А где искать-то? Ну не на танцы же бегать. Да там для тебя и нету. Надо, чтоб лет сорок пять мужчине было!

Какие танцы, конечно! Я уж «натанцевала» себе Кирилла, позорище. Или, может, гулять вечерами, как «старая девочка»? Бр-р-р-р...

И вот в таких раздумьях вышла я однажды по делам, поехала на рынок. Захотелось домашней курицы; у нас в магазине дрянь, хоть и дешёвая. Находившись по рядам, утомилась, присела на минутку у павильона.

Гляжу – мужчина с собакой. Тоже присел. А собачка хорошая, весёлая. Меня обнюхала и давай хвостом вилять, симпатяга.

– Что за порода? – спрашиваю.

– Порода «друг человека», – отвечает. – Разве любить можно только породистого?

Порадовал меня ответ, разговорились. Главное, вижу, что добрый, сердечный человек. Ой, таких-то чаще всего и обманывают.

А ведь и точно! Ещё поболтали о том о сём, он и говорит:

– А я бомж.

Да ну! Непохоже. И собачка, Майкой зовут, вон какая сытая, чистая. Он шутит, что ли?

– Нет, не шучу. По документам – настоящий бомж: выписала меня сестра, обманула. Я теперь у кореша живу, с которым служил. А что дальше будет, не знаю.

Вот так. Ну, я давай спрашивать, как так возможно. Оказалось, запросто. Он на заработках долго был, квартира их с сестрой общая, мамы покойной наследство.

– Жили мы вдвоём, я никогда женат не был, а сестра... Что-то засиделась, не повезло. И вот уехал я, а она заявила, что якобы бесследно исчез. Меня не было три года, а вернулся, оказался выписан по причине, что пропал я без вести. Всё! Она, сестрица моя, выскочила-таки замуж, супруг и надоумил. Чтоб, значит, не мешал я, чтоб тесно не было. Видно, щедро они где-то подмазали, концов не найти теперь. Представляете, они даже страшное сделали: в каком-то убитом бродяге меня опознали, официально похоронили. И вот он я, живой-здоровый, а по документам – в могиле. По суду всё ж таки недавно признали, что я есть я, да что толку... Я уж там выписанный, теперь назад ходу нет. Годами можно доказывать, что они обманом завладели всей квартирой. Ну, теперь-то им просторно, а мне жить негде. Вещи, какие мои оставались, выкинули мне в сумке на площадку.

– А товарищ ваш, у которого сейчас?

– Это друг настоящий, без разговору принял. У них три комнатки, так я в одной живу. Жена его никогда слова поперёк не скажет, душа-человек. А всё-таки неловко. У них дочка уже большая. Вот думаю, опять уезжать надо, подальше. А там – как повезёт.

– Собаку бросите?

– Почему брошу, с собой возьму. Я ведь её на улице подобрал, увязалась. Тоже бомж. Значит, мы с ней – родня. Друг говорит, чтоб им оставил, они Майку полюбили. А я ни в какую: она моя семья. Ну, а вы как живёте-можете? А то я вас загрузил своими жалобами, может, вам не до меня сто раз.

– Да у меня... – я замаялась. Стоп, думаю себе. Я тогда ещё, после Кирилла, закаялась: никогда не скажу новому мужчине о своем благополучии. Пусть понравлюсь я сама, а не мой недостаток. А потом, если решим быть вместе, получится сюрприз.

Поэтому я добавила:

– Живу просто, кассиром в магазине работаю. Зарплата маленькая, обитаю в семейном общежитии. Соседи – две семьи. Была я разводная, а потом стала вдова.

– Совсем одна, бедная! – посочувствовал он.

– Нет, не одна, – я рассказала про своих, тут придумывать не пришлось.

– Что ж, счастливая, – похвалил он. – А поехали со мной, а? – предложил он. – Что вам тут?

– Сколько вам лет? – вдруг спросила я. (Загадала: если скажет, что сорок пять, то это моё, чем-то он меня притягивал.)

– Сорок четыре, – ответил новый знакомый.

Эх, жаль... А он добавил:

– А завтра – сорок пять, представляете? Юбилей, так сказать.

– Да?! – обрадовалась я.

Вот знак это, знак! С намёком: что, мол, да, это твоё, но не спеши. Не сразу бросайся, всмотрись. Да-да-да, правильно!

– Я бы вас позвал, если б согласились прийти, – сказал мужчина серьёзно. – Меня Сашей зовут. Мы завтра немного отметим – и я скоро отъеду, максимум через месяц-полтора. А вас как величать?

– Валентина, – назвалась я. – Приду я к вам!

Я действительно пришла. Он мне подробно нарисовал, где живёт. Оказалось, что не так далеко от моего дома, можно и пешком пройти, если не лень. Подарок принесла скромный: немного колбасы, кусочек сыра и бутылку вина. Вроде как в нашем магазине отоварилась. А там и взяла, кстати.

Мы уютно посидели, а именинник по-хорошему удивил – к спиртному вообще ни притронулся! И я поняла: в самом деле, у хороших людей Александр живёт, у добрых. Если б не они... Ох и сестричка у бедняги, бывают же такие, мягко говоря, нелюди.

Однако про неё тут не говорили, и я не стала. Обсуждали будущий Сашин отъезд. Он снова спросил меня, поеду ли? Я серьёзно сказала, что готова, только надо собраться с мыслями. И вообще – собраться.

– Ну да, ну да! – кивнул он, обрадовавшись.

Мы встречались три недели, каждый день. И что, ведь влюбился он в меня! Какая женщина не поймет? И он мне пришёлся по душе.

Я к маме съездила, рассказала.

– Знаешь, я думаю, что плохого не будет! – сказала она. – Откройся ему, не тяни. А то ведь заиграешься, и он обидится. Поняла?

Я послушалась. Пригласила Сашу к себе, всё объяснила.

– Понял, – засмеялся он. – Полюби ты меня чёрненькую, а беленькую меня всякий полюбит. Ну что ж, я, жизнью по морде битый, понимаю. Значит, ты решила, что можно мне верить?

– Решила, – подвела я черту. – Никуда не едем, а переселяешься ко мне. Согласен?

Он и переехал, рад был. Значит, улыбнулась ему судьба, так это понял. А ведь и правильно, он своё отстрадал. Саша мне тоже до конца открылся:

– Хочу признаться тебе, Валя, раз уж ты решила меня принять. Я ведь почему раньше не женился? Потому что пил как конь, ни одна подруга до венца не дошла, все сбежали. Но я с водкой давно покончил, не думай. Три года уже ни капли в рот, даже пива. Мне ведь только начать – и готово, до мёртвого запоя. Так что дал зарок и не нюхать больше.

А, ну что ж. Что было, то было. У каждого – своё.

Переселился он ко мне. Ну и Майка, конечно. Я ей завела и коврик, и мисочку. И как я раньше без собаки жила? Привязалась она ко мне, за хозяйку признала, почти как Сашку.

И в загсе мы побывали, как положено. А ещё, самое главное, Саша как будто мысли мои подслушал.

– Давай, – говорит, – обвенчаемся. Я всегда хотел, чтоб, значит, как раньше было. Неспроста ведь предки наши так установили.

Я обрадовалась. Не беда, что не первой молодости. Мы ж не будем показуху устраивать.

Съездили мы за город, договорились в одной маленькой церковке. Исполнили что положено. Это если по-настоящему делать, то обряд небыстрый. А и правильно: причаститься, исповедаться, подумать, приготовить...

У меня прямо душа распахнулась! Повенчали нас по-тихому, с нами были только его друзья, у которых жил до меня. С ними и отметили у меня дома.

Мы с Сашей были нарядные: я в белом, он в чёрном. Я ж ведь, пока платье выбрала, десятка три примерила; зато уж и вышла в тот день красивая – глаз не отвести. Ну и пусть не многие видят: это же для себя! И для мужа, конечно.

Все мои знали, одобрили. Они потом с Сашей перезнакомились, в один голос сказали: подходит. Пара отличная получилась.

Вот и вышло по-моему: есть для кого стготовить, о ком заботу проявить. Да ещё и Майка как ребёночек. Такая забавная и ласковая! Саша в собаках отлично понимал: он сам за ней следил, чтобы всё хорошо. Ну, если течка, то только на поводке и кобелей отгонял. Сказал, что не надо щенков. Куда их потом, кому? Намучишься раздавать. Ему виднее!

На работу он тоже удачно устроился. Это я кое-кому позвонила по дружбе, помогли. Взяли Сашу в автосервис: он хорошо разбирался в электрике, хозяин

оценил и щедро платил. Показал себя муж с самой лучшей стороны.

Доволен был вот как! Не пыльно, не грязно, да ещё и денежно. И не на шее у жены, как он больше всего опасался. Стал приносить больше меня. Другу отплатил добром: отдал за него немалый долг. Что ж, правильно. Честно и по-человечески.

Целых два года я была по-настоящему, безоглядно счастлива. Даже, было дело, хотела ребенка ещё родить. Вроде образовались признаки – и я побежала к гинекологу, да зря. Другая причина, возрастная, а как жаль. Ведь говорят, что и в пятьдесят рожают, а я ведь моложе. Но что делать, дал бог троих – и хватит, видно. У каждого свои сроки.

И тут пришла беда: кто-то отравил нашу Майку. Вот вы скажете, наверное: ну не человека же, чего убиваться. А она была лучше человека. Кому, кому она помешала?! Она же доверчивая была, только помани...

Саша чуть с ума не сошёл, что не углядел. Он ведь, если нет у Майки течки, выпускал её одну по собачьим делам: два раза в день, утром и вечером.

Она, когда справится, сама назад прибежит, и давай хвостом по двери лупить. Открывайте, значит, тут я. И ни разу ничего не случилось, тем более что мы с Сашей строго следили (чтобы нареканий ни от кого не было; мало ли), чтобы собака наша всегда выбегала в наморднике. Всегда!

А тут забылось как-то, без злого умысла. Ох, если бы она была в наморднике, ничего б не съела, не смогла бы просто. А так, прибежала она, значит, обратно. Как сейчас помню: праздник был, Первое мая, мы дома. И сначала вроде ничего, а потом посмотрим – не то! Пена из пасти у Майки пошла, сама хрипит, трясётся, бедная.

Сашка её на руки – и к ветеринару бегом. Знал, куда: водил Майку, когда она поранилась об железку, что из земли торчала. Не так уж далеко, но и не близко та ветклиника.

Так он всю дорогу бежал без передышки; Майка на руках бьётся. Долго их не было, я места себе найти не могла. Вернулся Сашка часов через пять, Майку принёс мертвую. Пришёл – как из гроба призрак.

– Отравили, – только и сказал. И добавил с ненавистью:

– Вычислю сволоту – горло перережу!

Тут давай я его обнимать-уговаривать, а сама тоже плачу, плачу. Ведь Майку спасали, да не спасли, так на его глазах и кончилась. Предлагали Саше: оставьте, мы тут кремируем. А он – нет, сам

захотел похоронить. Мы вместе съездили на окраину, там и упокоили нашу собачку, установили для приметы камень на могилке.

И что думаете, ведь выяснил-таки Сашка, кто Майку убил. А я так и думала сразу, что дед Ефим. Я его всегда терпеть не могла. Это из второго подъезда жилец, вечно всем недовольный, скандальный. От него, козла, всем, у кого кошка или собака, в нашем доме житья не было.

– Вот погодите! – вечно грозился. – Всех потравлю! Не согласный я, чтобы мне всякие твари во дворе гадили!

Так вот, видели в тот день, как Ефим нашей Майке что-то дал с руки. Ну не хорошее же, от такого подлеца. Видели и Сашке сказали.

Тот к Ефиму, да за грудки его, да головой об стенку:

– Падла, придушу!!!

Спасибо, бабка, жена Ефима, была дома; встряла, разборонила как-то. А то убил бы сморчка. И что, срок?!

Ну, Ефим даже милицию звать не стал – ведь знал за собой грех, скотина. Испугался, конечно. Но понял: цыц! А то в другой раз придёт Сашка и добьёт.

И я, конечно, тогда давай мужа просить Христом-богом, что Майку уж не вернуть, надо смириться. Даже предложила щеночка купить. Другого.

А он закричал на меня:

– При чём тут другого?! Он друга моего убил, ребёнка! Не прощу я его! Всё равно урою!

А на другой день всё молчал, молчал... Потом сходил, принёс пол-литра. Я говорю:

– Саша, может, не надо?..

А сама-то думаю: да пусть. Может, полегчает. Жалко его! Я ж и сама вон как переживаю. Я ведь его пьяным никогда не видела, даже и слегка хмельным – не испытала. Что ж ему и горе притушить хоть немного нельзя?

А он отвечает:

– Надо. Выбирай: или убью я Ефима, или напьюсь.

Я промолчала.

Он выпил стопку, вторую. Я на скорую руку соорудила закуску, подрезала хлеба, мяса. А он почти и не закусывал, страшно смотреть было, как он заглатывает алкоголь. Через два часа выпил всю бутылку.

Думала, и не встанет. Не знала ведь, что это для него не доза. А так, первый заход... Он, правда, пошёл тогда спать – я и рада. Проспится – опомнится.

Утром уж надо было на работу и ему, и мне. Я давай его будить, а он в отказку: не пойду. Договорюсь, мол, про отгул, удались. Да ладно, бывает. Я и ушла в магазин, чего опаздывать.

А вечером возвращаюсь и что-то тревожно мне, всё тело ломит. И не зря. Захожу и вижу: на столе две новых бутылки, одна уже пустая, а во второй на доньшке только чуть осталось. Два куска хлеба на тарелке. Ну и накурено-перекурено, дым коромыслом. Сходил, значит, и за водкой, и за сигаретами.

Сашка-то курил немного, а тут – пепельница с верхом полная. Сам он лыка не вяжет, не то, что вчера. Еле языком ворочает, а мне, чуть я в кухню заглянула, велит:

– Сходи-ка, принеси ещё. Видишь, кончается!

– Не пойду! – рассердилась я. – Хватит, на себя посмотри!

– Что-о-о?! – заревел он страшно, даже стёкла задребезжали. Схватил пустую бутылку со стола, да ка-а-ак запустит ею в буфет! Посуда вдребезги, я – в плач.

А он кричит:

– Принеси, я сказал, иначе сам пойду!

Куда он сам? Пришлось мне, сходила...

Так начался первый двухнедельный кошмар. Несколько раз звонили с его работы, спрашивали. Я врала, что заболел. Клялась, что потом отработает, отслужит. Ведь не хватало, чтобы уволили.

Все две недели, день в день, я уходила утром, а вечером возвращалась, как на плаху. А куда денешься? Первые дни просила-молила перестать, плакала. Я ж тогда ничего про запой не знала, это потом поумнела, стала как профессор на этот счет. Про запойных алкоголиков всё могу рассказать, лучше любого нарколога: и про признаки, и про симптомы. Врагу не желаю такого знания.

С тех пор и повелось: месяца полтора, от силы – два, трезвый, потом дней пятнадцать – снова запой, хоть по календарю проверяй. А выйти из запоя – это целая процедура, да не дешёвая. Сильно не дешёвая, кто не в курсе.

Я-то в первый раз думала: стоит ему только захотеть – и всё. Проспится, опохмелится, и конец. Он мне тогда объяснил, когда до ручки допился в первый раз:

– Не смогу я сам прекратить. Зови врача. Помогите!

Какого именно врача? Что ещё надо? Я же не знала. Ничего, обучилась: и кого, и

как; и что после капельницы принимать, в каком порядке.

Так прошло ещё два с половиной года. Он, когда из запоя-то выходил, всегда с мукой, хоть и с помощью доктора, божился, что ВСЁ, – завяжет. Давал клятву, слова всякие честные и «последние». А толку – ноль целых и хрен десятых.

Я ничего не говорила ни маме, ни детям. Наоборот, в их глазах я была самая счастливая. Золотая судьба и везение! Да и так совпадало постоянно, что мои родные видели его только в хорошие промежутки. А трезвому ему ведь и вправду цены нет.

С работы его всё-таки погнали, вот что плохо. Он один раз подвёл, второй. Ну и кто будет держать? Так что теперь он пил не просто так, а «по причине»: безработный, изгнанный, ненужный и лишний. А ведь даже и не пытался устроиться, только одни пустые разговоры, как очередной запой отбудет.

Я жизнь свою тогда прокляла, без шуток. В церковь широкую тропинку протоптала, меня уж там завсегдаем начали считать. И ничего, никакого сдвига.

Я верить не перестала, нет! А вот не могла никак понять, в толк взять: за что мне? За что?! А одна женщина мне и объяснила, что надо думать не «за что», а «для чего». Что это такое мне от судьбы испытание, надо достойно его пережить. Утешила немного.

Самые страшные дни всегда были – это середина запоя. Не начало (когда он почти нормально говорил и ещё понимал) и не конец (когда уже хотел избавления, устав от самого себя), а именно середина, дней пять-шесть.

Если б кто видел! Больше всего я боялась, что расшибётся насмерть, когда упадёт. Ведь он не мог нормально добраться от кухни до дивана. Я, если дома была, караулила каждый его шаг, закрывала собой углы и выступы «по пути следования». Всё дрожала и крестилась: только б не виском на острое! А он и так весь синий: то лбом с размаху об паркет треснется, то на спину опрокинется. Стены гудят...

Наверняка соседи про всё догадывались, только виду не подавали. Кто ж такой грохот не услышит?

Сильно пьяный, он, конечно, до магазина дойти не мог, а меня заставлял. Обманывал, что вот ещё выпьет одну рюмку, и всё. Я знала, что врёт, а шла, заливаясь слезами.

Денег было не жаль, шут с ними. Хоть и стоили эти гулянки будь здоров. Да я бы всё отдала, лишь бы только перестал!

Но не пришлось дожидаться добровольного прекращения: допился-таки...

Я на этот раз – а последний запой был рекордный: три недели – заявила, что, мол, всё, с меня хватит. В магазин не пойду, хоть режь. Пусть сам ползёт! До чего измучилась, поверьте...

Он и пошёл, ведь был ещё не в стадии полного бревна. Деньги из рук у меня вырвал – и был таков.

Знала бы, чем кончится, да я сто бутылок принесла бы, а не одну! Жил бы только! А я ведь подумала, грех признаться, вот пусть сам позорится. Пусть соседки на скамейке поглазеют. Не могу больше. Довёл, проклятый.

Ну и поплёлся он. Жду; плачу как всегда. А его нет и нет...

Тут слышу – в двери мне стучат да как-то страшно колотят. У меня сердце так и зашлось, в глазах потемнело. Открыла – а там баба Дуся вопит:

– Валя, Валя, скорее!

Я за ней в чём стояла: в халате и в тапках. Смотрю – толпа собирается. Я, конечно, в середину. Поняла, что там он!

Там... Лежит мой Сашенька, кровичка из живота рекой хлещет. И всё уже, неживой! Я сразу, как глянула, поняла это.

Дальше толком не помню: вроде упала я на него, зашлась в крике. Совсем плохо было, ничего в голове не осталось. Это потом узнала, что меня домой увели, что врач со скорой укол мне сделал.

Рассказали и про Сашеньку, как дело было: заспорил он с каким-то чужим. Таким же вдетым, как и он сам. И тот драться полез, пырнул Сашку ножом. Мужики увидели – подбежали, тут же драчуна и скрутили, не дали скрыться. Что два алкоголика не поделили, сами-то хоть поняли?

Сашка мой, он же по натуре добряк был: чем пьянее, тем ласковее. Хоть это утешало, когда совсем туго приходилось. Зверел только тогда, когда водка кончалась. Тут надо скорее новую бутылку выставить – и он опять добрый.

А тот, который его порезал, видать, наоборот: чем пьянее, тем злее. Сашка, может, в шутку что-то сказал. Он ведь всегда хохмил, когда примет. Думал, что очень остроумный становится. Вот и получил за то ножом в живот.

Похоронила. Помогли и соседи, и с работы. Нашим в магазине наврала, что хулиган Сашку убил ни с того, ни с сего. Пусть не знают, что пил. В гробу не видно: там все трезвые.

Мамочка тогда, после девяти дней, ко мне на время переехала. Спасибо, что отчим понял, отпустил. Сам пожил полтора месяца.

Вот тогда я маме всё и рассказала. Всё-всё! А она меня удивила:

– Знаю я, Валюша.

Откуда? Да ниоткуда, а только догадалась, что всё плохо.

– Сны я нехорошие видела. Вот как будто идёшь ты над пропастью, качаешься. Я тебе кричу, чтоб ты от края отошла, а ты не слышишь.

И добавила укоризненно:

– А чего скрывала? От матери-то что? Глупенькая, глупенькая...

Нет, мама, правильно я молчала. Ну что бы ты могла сделать? Ты у меня одна, неужели тебя в гроб надо было вгонять своими кошмарами?

Это какое счастье, что у дочек моих мужья не пьют! Пусть что угодно, но только не это. Ведь я раньше как считала? Есть такая присказка, что «лучше б пил; пьяный проспится, дурак – никогда». А после своего горя поняла: нежизненная поговорка. Любой дурень, скупердяй или ревнивец – пустяк против пьяницы.

И не убеждайте, не поверю.

Много мы тогда говорили с мамой, ой, много. Все вечера напролёт. За всю жизнь столько друг другу не сказали. Вот тогда-то только и поведала она мне до последней капельки свою женскую судьбу.

Я-то до этого что знала? Да всего ничего, она никогда про то не рассуждала. Что папаша мой женатик был – вот и всё мое знание. А тут, видно, и ей захотелось до конца открыться, и она это сделала.

– Знаешь, кто отец твой, Валя?

– Знаю, чего ты? У меня же в свидетельстве записано, что Иван Петрович Сидоров.

– Ой, деточка! Иванов, Петров, Сидоров... Ты что, не догадывалась? Просто это первое, что в голову приходит.

Я удивилась, конечно. Значит, по-настоящему никакая я не Ивановна. А как тогда?

– Отец твой – Дмитрий Павлович Машков.

Сказать, что я поразились, это всё равно, что орла комаром назвать. Я челюсть чуть не уронила. Машков, мой любимый учитель-физик, наш директор школы!!!

– Он самый, – кивнула мама. – Но директором тогда ещё не был.

Обалдеть!!!

– А он знал, что я... Знал?

– Конечно, знал, – сказала мама.

Так вот почему он так меня привечал, завывал оценки, называл только «Валечка», и никогда – по фамилии! Суровый Дмитрий Павлович, которого не то что вся школа, чуть ли не весь город уважал и боялся, как генералиссимуса – армия. Сам Машков – мой родной отец? Даже в голове не уместается.

– А почему же ты никогда раньше? – изумилась я.

– Доченька, а зачем, вот скажи? Сейчас уж можно, вот я и открылась. А раньше зачем?

Да, Дмитрий Павлович недавно умер, года ещё нет. За гробом тысячи шли. Я тоже была на похоронах. Папа? О, Господи!

У Дмитрия Павловича была хорошая жена, наша математичка (моя классная!), и сын, старше меня на семь лет. Я хорошо помню его и сейчас: Витя Машков, красивый такой. Я его не раз украдкой разглядывала, когда он появлялся в школьном коридоре на перемене. Он был взрослый, а я соплюшка, так что Витька и не замечал меня. Это, значит, мой родной братец?

– Валечка, на чужом несчастье своего счастья не построишь, – вздохнула мама. – Ну, были у меня с ним отношения три месяца, и что? Потом он раскаялся, очнулся, жену ведь свою любил, а я... Бывает, в общем. Я забеременела, ему призналась, а он ответил: «Нина, поступай, как знаешь, но прошу, не надо меня тянуть из семьи, не уйду я. И ничего хорошего всё равно у нас не будет, а только горе другим принесём». Да и правильно, в общем-то.

Вот тебе и моя простушка-мама! Я поняла: любила она Машкова. Любить – это жалеть, вот что. Это хотеть хорошего не себе, а тому, кого любишь. Пусть даже самой от этого не сладко.

– Да, всю жизнь любила, – горько сказала мама. – И спасибо ему всё равно. Ведь это какое счастье – ребёнок от любимого!

– А отчим? – спросила я. – Он знает?

– Зачем? – удивилась мама. – Ему зачем больно делать? Самой, что ли, мало? Ведь я ему дорога и сейчас, и раньше была. Хоть с ребёнком, хоть без. Если мужчина по-настоящему любит женщину, то любит и её ребенка. Сама подумай: ну каково было бы ему знать, что твой отец живёт от нас в трёх кварталах. А так, ну, какой-то там Сидоров, ну, где-то далеко, за тридевять земель. И

был у меня с ним случайный, пустой романчик на два дня. Ошиблась, была молодая и глупая, вот и всё.

– Ох, мама, ну ты гигант! – сказала я уважительно.

– Валя, я верю, что всё это останется только между нами, – попросила-приказала мама.

Могла бы и не говорить. Само собой.

И ещё мне мама рассказала: уже когда вышла она за отчима, то через восемь лет случилось с ней страшное. Её изнасиловали.

Так, второй шок для меня. Как, где, кто?!

– Да ты, может, и помнишь этот день, – нахмурилась мама. – Когда я однажды пришла домой после смены в измызганном плаще.

Да, я помнила. Плащ был чёрный, и в грязном виде – в разводах была вся спина – выглядел тошнотворно, как старая половая тряпка.

– Я тогда сказала, что сильно упала. Помнишь?

А на самом деле – вот что: мама шла из фабрики через парк (со второй смены, уже стемнело), и на неё напал какой-то мужик, повалил в кусты у тропинки и... Она до того испугалась, что и крикнуть не смогла, а только сипела. Да и тело как задеревенело, маме показалось, что её вмиг парализовало. Захоти она пальцем пошевелить – и то не смогла бы. Одна только мысль вертелась: «Только б не убил... Только б не убил...»

Не убил. Сделал, скот, своё дело и уполз куда-то вбок, как крыса в нору. Мама еле встала, доковыляла как-то до трамвайной остановки. Пока ехала, оклемалась немного. И решила: не надо никому говорить, стыдно очень. Упала – и всё. Ну да, на спину; вот так неловко оступилась. Что, не бывает разве?

Бедная... Понять можно. Поймали бы, может, того негодяя, а может, и нет. А на неё пальцем всегда, до самой смерти, показывали бы.

И был ещё и третий, последний, скелет в шкафу. О нём мама рассказала уже в самый последний вечер. Наутро я проводила её, посадила на автобус. «Пора и честь знать! – сказала она. – Ты, я вижу, оправилась уже. А дед мой там зачах, поеду его выхаживать».

А вот оно, третье... Уж и не знаю, рассказала бы мне мама когда-нибудь такое,

если бы не пришлось пожить вместе. Думаю, что нет.

Оказывается, отчим мой – однажды крепко сходил налево. Да так крепко, что чуть не разошлись: получил заразу, которая только грешным путём и передается. Не думал, конечно, что подцепил; гульнул и гульнул, самому гадко. Зачем признаваться, что это меняет? Так бы и не повинился, да через три дня поскакал к доктору: ой, спасите, мочи нет. Вот так и открылось. Да хорошо ещё, что маму не успел заразить, как раз не было у них ничего в те дни.

Так он и лечился, и маму умолял. Она не могла принять, что он сам, по доброй воле, связался с какой-то случайной. А что выпивши при этом был, так то не оправдание, а, наоборот, хуже только.

Мама не простила долго, а потом вдруг, в один момент, простила. Сама не ожидала, ведь уже твёрдо решила: развод. Всё, не даст ему больше и притронуться к себе.

А оказывается, из-за меня получилось, что не бросила она его. Как? – А просто. Я тогда в техникум уехала поступать; по межгороду домой после первого экзамена звонила.

Точно, да! Я тогда спросила, как там папа. Мама ответила, что больше этим не интересуется (так и сказала, помню: видно, как раз я попала на горячий момент их ссоры). Да ещё она и добавила: «Пусть хоть умрёт от своей болячки, не жалко!»

И я расплакалась, зашла в истерику:

– Мамочка, он заболел?! Что с ним?!! Я приеду, не буду теперь поступать!

Пауза со стороны мамы так затянулась, что я подумала: разъединилось. Но мама всё-таки, вздохнув, ответила:

– Да ничего такого, Валя; он простудился где-то. Поступай дальше, дочка. Мы тебя целуем.

Я облегчённо проорала в трубку, что тоже целую, и успокоилась.

Да, так и было. Значит, я своей любовью спасла папу от расставания с мамой? Вот уж, действительно, чего только на свете не бывает.

Мама теперь больше не настаивала, чтобы я искала себе пару и устраивала новое семейное гнёздышко. Я пока не решилась ей открыться, как она мне: до дна. Только про Пашкину роковую ошибку с группой крови наконец прояснила.

Но мама и сама своей чуткой душой уловила, что не всё я ей про себя рассказала. Однако не допытывалась.

Как выложить ей про Кирилла, например? Или про одноразовую «любовь» с Валерием Сергеевичем? Может быть, потом, когда-нибудь... Она поймёт, и мне легче будет. Должен быть у каждого такой человек (пусть один-разъединственный), который действительно знает о тебе ВСЁ. Это как второе «я».

Но ведь не всем так везёт. Доверишься – а тебя это второе «я» предаст. Ой, бывает! Даже среди самых близких и родных случается. Но моей маме можно сказать всё, она уж точно не подведёт. Я вообще за эти дни, пока она у меня гостила, посмотрела на неё другими глазами.

Но, однако, хоть и помогла мне мамочка, стало со мной твориться что-то совсем неладное. Вот вроде уже успокоилась, а тут – это! Ни с того, ни с сего. Я, конечно, знала, что бывает у людей депрессия, мне и самой не раз туго приходилось. Но чтоб такое!

Я не находила себе места, а главное, не могла взять в толк, что меня так изводит?! Что?! Есть судьбы намного хуже, и ничего, терпят же.

А я – здоровая, до пенсии ещё далеко, все родные в порядке. Ну?! Маме пожаловалась. А она и говорит:

– Валя, может, тебе к врачу всё ж таки надо, а? Который по нервам специалист. Плохо выглядишь, смотреть больно.

Я подумала-подумала, да и набрала номер того хирурга из Санкт-Петербурга, который маму тогда вытащил. Напомнила ему, кто я, почему обращалась.

– А! – говорит. – Как же, интересный был случай.

И встревожился:

– С мамой вашей что-то не так? Боли, проблемы?

– Нет-нет, спасибо! Мы за вас бога молим каждый день.

– Отлично! – обрадовался он. – А что хотите?

– Для себя хочу спросить, – заторопилась я. – Плохо мне совсем, прямо жить не хочется. Белый свет не мил, всё раздражает. Может, какие новые технологии есть там у вас, вы же говорили, помните? Операцию, может, на мозгу надо. Не поможете ли?

Он засмеялся:

– Валентина Ивановна, у вас глубокая депрессия, и всё. Я бы сказал, глубочайшая. Операция, конечно, ни к чему, да и не

бывает такой, на ваш случай. Но помощь вам требуется, могу посодействовать.

– Да-да-да, – заплакала я. – Никаких денег не пожалею. Не могу больше...

– Ну, насчёт денег – вам на месте скажут, что и сколько. Я вам номер один дам. Это в Москве. Есть у меня очень хороший приятель, ещё с юности. Он вас посмотрит. Позвоните и скажите, что от меня. Он определит, кто вам нужен: невропатолог или просто опытный психотерапевт. Диктовать?

– Конечно, давайте, – поеду!

Я записала московский телефон и тут же, не медля, связалась. Договорилась вмиг. Видно и правда: большие они друзья с тем хирургом. Стоило только мне назвать имя – и сразу зелёный свет и полное содействие. Спросил лишь, как скоро я могу прибыть в столицу. Я сказала, что это не вопрос вообще, и он мне назначил через неделю.

Подробно описал, как доехать, от какого метро. Дал ещё и свой домашний номер. Мало ли...

Я на работе с начальством договорилась легко. Я ж в деле всегда безотказная, вот и ко мне отнеслись по-людски. В назначенный день была уже на месте. Добралась легко, нашла сразу, будто сто раз уже побывала.

Александр Александрович (который вызвал меня) посмотрел, поспрашивал. Очень душевно отнёсся, мне от одного этого уже полегчало, честно.

Он-то меня и направил ещё к одному человеку, Ивану Григорьевичу. Сам при мне позвонил, похлопотал, как за свою родственницу. Денег с меня не взял, ни-ни! Сказал, что лучше пусть заплачу тому, другому. Тот возьмёт, потому что работу сделает. А я, мол, ничего не делал.

Вот так я и попала к специалисту. Пожила в Москве три дня, в гостинице. Сходила на три сеанса к врачу. Каждый раз более двух часов общались.

И вот – никогда бы не подумала! – без лекарств и капельниц сотворил он со мной чудеса. Как заново жить начала! А на последней нашей беседе записал мне ещё, какие таблетки надо потом попить. Это уж как закрепление, нервы окончательно успокоить. И всё! Больше ничего не надо, живи и радуйся.

Самое главное – душу он мою вылечил.

Меня поразило, как он сразу меня встряхнул. Посудите сами:

– Скажу вам откровенно, – говорит – вы умрёте.

Я чуть со стула не грохнулась: глаза распахнула, дышать перестала. Всё, значит, конец. Вот почему мне плохо так: умираю!

А он, значит, дальше ведёт, да преспокойно так:

– Я вам больше скажу: я тоже умру. И все люди, все, которых вы знаете и которых не знаете, все умрут. Некоторые даже в раннем возрасте. Вот посмотрите в окно: видите? Все граждане, которые там, на улице, временно живые.

Я дух перевела; что же, думаю, дальше? А он спрашивает:

– Вы с этим согласны? Это не новость?

– Чего же новость, – удивляюсь. – Все помрём.

– Точно? Все? Никто не останется?

– Все.

– Ну так вот, если вы, и я, и все – однозначно всё равно там будем, то зачем торопиться? Никуда от этого не деться. Жизнь даётся коротко и на время, а смерть – навсегда.

Да-да... Захар тоже так говорил, царство небесное.

Вот так. А дальше мы просто разговаривали. Как товарищи. Он, не спеша, по косточкам разобрал всю мою жизнь, все мысли. Я сама от себя не ожидала, что смогу проговорить всё это вслух, тем более постороннему человеку.

Я уж и после первого сеанса себя здоровой ощутила; а после третьего – и говорить нечего. Какая там депрессия?! Смехота! Блажь! Хочу жить, работать, мечтать!

И, самое интересное, хочу опять найти такого человека, который полюбит меня. И чтобы я тоже...

– Правильно, – одобрил мой спаситель. – Женщина вы привлекательная. Даже прехорошенькая, что гораздо важнее любой красоты. Эх, будь я холост! – пошутил он.

Расставались мы с Иваном Григорьевичем хорошими друзьями. Конечно, я за сеансы заплатила. Но думала, что выйдет гораздо дороже, а получилась ерунда; за гостиницу больше ушло.

Вот так я и подошла к своему четвёртому бабьему лету, которого не могла и предвидеть.

Но, видно, чему быть, тому не миновать.

Два года после Москвы я ещё была одна, но жила хорошо. Отлично даже. На

работе с людьми ладила, но своего не упускала. От достатка не жалея денег ни родителям, ни детям-внукам. Чуть у меня свободные средства появляются – я как вертолёт, туда-сюда, обо всех подумаю, похлопочу. И чем больше для своих стараюсь, тем сама себе лучше делаю. Живу!

Ну и вот, пригласила меня на свадьбу наша молоденькая кассирша, новенькая. Весь коллектив позвала, правильно. Дружить с коллегами – это не только приятно, но и умно.

Мы решили сложиться, подарить что-нибудь дорогое, нужное в быту. Это лучше, чем по мелочам нанести всякого. Присмотрели приличный холодильник, организовали доставку. А на свадьбе, значит, можно просто красиво вручить документ на технику – не тащить же холодильник на банкет!

Тамарочка (невеста) очень благодарила: вещь прекрасная! Вряд ли они б себе сами позволили.

Свадьба была в субботу. Большая, весёлая. И друзей много, и родня прибыла многочисленная, и организовали хорошо. Я в тот день выглядела как картинка, сама от зеркала оторваться не могла. Именно тогда у меня были хорошие для красоты дни. Они есть у каждой женщины, но не обязательно совпадают с праздниками. Скорее, наоборот: вот когда не надо, в какую-нибудь простую среду или пятницу бываешь удивительно милая, и становится досадно, что почти никто и не видит.

А у меня в нужный день да в нужный час красота и засияла. Именно, как сказал Иван Григорьевич, стала я прехорошенькая. До чего слово симпатичное; может, оно меня тогда и вылечило до конца?

На свадьбе я веселилась от души, много танцевала. Такое было золотое настроение! Спасибо Томочке, что позвала. За столом я оказалась рядом с дальним родственником невесты, Антоном Васильевичем. Познакомились, конечно. Сразу легко перешли на «ты», он весь вечер ухаживал, потом проводил. Но не нахальничал, молодец.

Конечно, мы пообщались, друг про друга много узнали. Совпадение у нас оказалось, мы даже смеялись: у него было три жены, а у меня – три мужа. Он со всеми разошёлся, детей – двое, сыновья. Они от второй и третьей жён; от первой – никого нет, они и месяца не прожили. Ну, ясно, молодые, дурные. Бывает и так.

А Антон Васильевич давно без жены, более десяти лет. Алименты уже не платит, ведь сыновья взрослые.

Хороший мужик, приятный. И по возрасту как раз по мне, немножко старше. Живёт со своей мамой, где-то в Якутии. Рассказал, что родился там, что край удивительный. А что, везде жить можно. Да в прошлое время ещё и зарплата там была значительная, чем плохо.

Присматривалась я к нему внимательно: ну не к чему придаться, правда! Аккуратный, одет прилично. А главное, юморной такой! На него, на его шутки все обращали внимание на свадьбе. Так ловко всё и к месту. Да ещё и песню спел для молодых, порадовал красивым голосом. Есть такие одарённые от природы люди, сердце радуется.

Короче говоря, стал он мне звонить, как уехал. Я была рада, всегда ждала весточки. Сама же принципиально не звонила ни разочка; очень уж мне хотелось, чтобы он меня добивался. Чтобы вот так, как надо, как принято. Счастья женского хотелось, кто не поймёт?

А пока аккуратно Тамарочку расспрашивала, всё мне про него хотелось знать. Но Томочка почти ничего не могла сказать, она и видела-то его только в детстве, это мама на свадьбу позвала.

Так прошло полгода. И вот однажды Антон позвонил и сказал, что опять приезжает. Но спросил:

– Валя, а можно, я приеду к тебе, а не к своим, а? Как смотришь?

Ой, можно! Я так ждала этого!

Конечно, он обрадовался. По голосу догадался, что стал мне уже небезразличным. Да и он сам... Я тогда ещё, на свадьбе, заметила, как он на меня глядел. И не одна я заметила; все поняли. Мне даже Томочкина мама шепнула: «Не упускайте его, не пожалеете!»

Приехал – и как-то быстро всё закрутилось. Было радостно и легко, не хотелось больше расставаться, и мы оба поняли, что пришло наше счастье. Тогда всё и решили.

Провожала я его через неделю с такими планами: пусть дома всё порешает, рассчитается с работы – и ко мне. Женимся!

Он быстро справился, и вот уже снова у меня, а заявление – лежит в загсе. Я до того была счастлива, что решила устроить большое свадебное застолье, показать всем своего любимого.

Сказано – сделано: наняли зал, я всех родных позвала. И опять же наших, с работы, как Томочка. Я что, хуже?! Приехала даже мама моего Антона. Моя мамочка поверила, что наконец-то будет у меня всё гладко.

И закатали мы пир на весь мир! Конечно, я уже была не в белом, хватит мне невеститься, для меня это плохая примета. Но нарядились мы оба с иголки. Антон – тот вообще щеголь, я ещё в первый раз заметила. В общем, красивые мы были. А Антон лучше любого тамады, сам справился: и пел, и застольем руководил. А уж какие номера откалывал – животы все надорвали.

Отшумело веселье, моя новая свекровь немного у нас погостила и отбыла, остались мы наконец вдвоём. Семья! Муж.

Антон начал искать работу. Тут произошла заминка, но небольшая: он выбирал, где лучше платят. Сказал, что это принципиально: работать – так зарабатывать. Что ж, дельно. Нашёл-таки местечко по себе, но был не очень доволен. Сказал, что, если узнает, где есть выгоднее, тут же перейдёт. А мне что? Пусть как хочет. А устроился он в нашем ЖЭКе, мастером.

А ещё он занялся собаками. Я сначала обрадовалась: пусть у нас опять будет щеночек! Люблю я собак. Но одной несподручно было держать. Это ж не игрушка.

С собакой вышло совсем не то, что я думала. Он, оказывается, этим делом занимался и раньше, поточно. Я, когда поняла суть, просто обомлела! Подумала, что добрый человек так никогда делать не будет.

Если коротенько, то так: заводит он породистую суку и как можно чаще (тут надо тонкости знать) получает от неё щенков. Чуть-чуть подрастут – их на продажу, и так без конца. Но это значит угробить несчастное животное, выжать все соки, сократить ей жизнь вдвое! Нельзя собаке постоянно щениться, ради чего! Из-за денег?! Деньги – это неплохо, но таким путём...

А Антон как сказал, так и за дело принялся, чего тянуть. Появилась у нас собака. Но не малышка, нет! А сразу взрослая, чтоб щениться могла.

Особенно неуютно стало, когда я нечаянно услышала, как муж по мобилке по этому делу общается: собаку-то украли для него по заказу! Причём не в нашем городке, чтоб не нашли. Короче, бизнес. Антон, значит, деньги дал – ему привезли. Я спросила: зачем так. Призналась, что подслушала разговор.

– Да? Ну и что? – нехорошо прищурился он. – А ты в курсе, что меньше знаешь – лучше спишь? Ну да ладно, раз уж поняла. Деньги зарабатывать всё равно мы вместе должны.

И начал «зарабатывать». Я сначала и не знала, как ему решительно сказать, чтоб прекратил. Ведь по большому счёту он прекрасный супруг: не пьёт, не курит; всё в дом. Что мне надо? Правда, когда я услышала, почему он не курит, опять стало неприятно:

– Потому что это дорого, вот и всё.

А я-то думала, радовалась. Вот, мол, какой; весь из себя положительный!

Потом я всё ещё надеялась: может, ошенился собака (я назвала её Майкой), он прибыль получит и успокоится.

Нет!

Вскоре у нас появились ещё две сучки той же породы (видать, муженёк в курсе, какие щенки дороже); я же должна была следить, чтобы и корм хороший, ну и прочее. Выгуливать, осматривать.

Сердце кровью обливалось, а молчала. Думала, может, я себя накручиваю, может, ничего такого? Только зачем собак воровать; можно же, раз уж такое дело, купить породистого щеночка-девочку и растить её, потом найти кобеля для вязки.

– Ты что, ненормальная? – съязвил муж. – Чего время терять, растить? Время – деньги, это аксиома.

– А ты не думал, что этих собак кто-то ищет? Плачет, переживает?! – вскипела я.

Он искренне удивился:

– Из-за собак?! Ну ты даёшь! Денег им жалко, вот и всё. Небось, не за дешёво покупали такую псину. Ничего, нашли бабки на одну – найдут и на другую. Каждый вертится, как может. Неимущие люди таких собак не заводят; моя совесть чиста.

Купят другую? Эх!..

Я рассказала ему про нашу погибшую Майку, заплакала. А он длинно присвистнул и покрутил пальцем у виска:

– Ой, за какую-то беспородную дрянь набрасываться на человека! Если хочешь знать, то я поддерживаю того, который отравил. Что толку от дворняг?! Другое дело – порода, тут смысл и доход.

Вот только тогда я и поняла: нет, ничего хорошего в муже не присутствует. Что же я, спящая была, что ли? Вот что значит «не хотела видеть». А ведь Антон с первого дня нашего совместного проживания завёл порядок: у него свои деньги, у меня – свои. На квартплату и продукты скидываемся, а личные вещи каждый себе покупает. И так далее. Расписано как в госбюжете.

Я ведь думала совсем другое, что он не хочет зависеть от меня, раз уж живёт в моей квартире, стремится сам что-то значить. Ой, любовь слепая, правильно

говорят: всё шиворот-навыворот представляется.

Он ведь и с собаками так застолбил: за их «доставку» платит он, корм покупаю я. За вязку с кобелём – опять он. Прочие траты, возникшие «в процессе», – я. А потом доход от продажи щенков, ему – восемьдесят процентов, мне – двадцать. Так как он «организовывал и значительно больше вкладывался». А я слушала и смеялась: думала, что шутка; он ведь у нас мастер прикола, балагур и талант.

Клянусь: теперь даже подумала, что лучше б пил. Какое там лучше, мне ли не знать?!

И начали мы поругиваться. А всего-то полтора года прожили. Дальше – больше, потому что мне страшно жалко было собак, они пленницы, рабыни! А глаза как у людей.

Большущий (и последний) скандал получился, когда он объявил:

– Всё, с Майкой заканчиваем, от неё уже толку не будет. Завтра отвезу на усыпление, а в субботу доставят новую, я договорился.

Я взорвалась. Кричала, обзывалась, крыла последними словами! Со стороны, наверное, и правда, смотрелась как больная на всю голову.

Антон слушал, не отвечал, только желваками играл. А потом сказал:

– А я думал, что ты разумная, толковая. Ты ж всю жизнь в торговле! Что, неужели трудами праведными такая обстановочка, евроремонт и прочее?! Чего из себя невинную строишь? Или я надоел? Так и скажи, а святую не надо изображать, тебе не идёт.

И тут наступил мой предел, пусто стало.

– Вот что, Антон Васильевич, – говорю. – Даю я тебе срок до завтрашнего вечера.

Была суббота. Он уставился на меня как баран на новые ворота. А я пояснила:

– Поеду проведаю родителей, а вернусь – чтоб ни тебя, ни духу твоего не было. Соседке отдай ключ, я договорюсь с ней.

Он стоял, соображал: взбесилась, что ли? А я – сумку на плечо и за дверь. Соседку, действительно, попросила:

– Маша, муж мой, как будет уезжать, завтра вам ключики от квартиры занесёт, ладно? Так надо.

Соседка сказала, что пусть, раз такое дело.

Я вернулась в воскресенье поздно, последним автобусом. На подходе увидела, что окна тёмные. Уехал или спит?

Накануне, делая новостью с мамой, я всё-таки в душе надеялась: взвесит, поймёт, одумается. И начнём сначала. А мама – как в воду глядела:

– Нет. Чувствую, что опять одна останешься.

Оказалась права. Да я и сама так думала, обманывалась только; ведь так хорошо у нас начиналось, так красиво! Я зашла за ключами, поднялась. Дома меня ждал сюрприз: записка на видном месте. Когда я прочитала, то поняла: всё равно, рано или поздно, указала б я ему на дверь. Если он смог так сделать, не хочу его больше знать:

«Я внимательно подсчитал, что мы приобрели в браке. Считаю справедливым взять себе три новых комплекта постельного белья и два твоих золотых кольца. Тогда по деньгам мы в расчёте. Хорошо, что у нас были отдельные средства и теперь легко делиться. Твою квартиру я не ремонтировал и не обставлял, поэтому компенсации не требую. К сожалению, жильё кооперативное и только твоё; получить хотя бы комнату я не смогу даже по суду».

Вот так... Чисто, аккуратно. Подсчитал, написал, упаковал – и был таков. Да лучше б он оставил письмо, полное упреков, сожаления. Или вообще ничего!

Собак тоже забрал. Вот кого жаль, так жаль... Кстати, весь запас собачьего корма мужёнок тоже прихватил. Ладно, корм же не ему, пускай. Интересно, он это тоже учёл в графе «Итого»? Наверняка. Можно не сомневаться.

Развелись мы через адвоката, больше и не встречались. Хорошо, что сейчас можно так делать. Хоть и дорого, но зато с гарантией, что не увидишь «бывшего» никогда. Зато я теперь поняла, почему ни одна жена с ним не ужилась.

Теперь уж дело прошлое. Год минуло с того дня, как я получила бумагу, что опять свободна. Вот так и живу теперь. Пока одна. А, впрочем, почему «пока»?

Шучу...

Прожила я свои четыре времени бабьего лета. Конечно, бывает всякое, но я почему-то точно знаю, что пятого ждать не стоит. А мне и не надо. Как говорит моя мамочка, спасибо жизни за всё, что дала. Могла бы и не дать!